

«В БОЯХ ПОЗНАВШИЕ РАДОСТЬ ПОБЕД...»

Курский военно-исторический сборник. Выпуск 11.

**Юго-Западный государственный университет
Юго-Западное отделение Академии военно-исторических наук**

«В БОЯХ ПОЗНАВШИЕ РАДОСТЬ ПОБЕД...»

Курский военно-исторический сборник. Выпуск 11.

Курск-2013

Редакционная коллегия: член-корреспондент АВИН, канд. ист. наук **И.А. Анфертьев**; действительный член АВИН, докт. ист. наук, профессор Юго-Западного государственного университета **В.В. Коровин** (главный редактор); член-корреспондент АВИН, канд. ист. наук **А.Н. Манжосов**; действительный член АВИН, докт. ист. наук **А.А. Чернобаев**; действительный член АВИН, докт. ист. наук, заведующий кафедрой истории России Курского государственного университета **К.В. Яценко**.

Редактор выпуска: *А.Н. Манжосов*
Технический редактор: *В.И. Литвинов*

«В боях познавшие радость побед...»: Курский военно-исторический сборник. Вып. 11. – Курск: МУ ИЦ «ЮМЭКС», 2013. – с.

В 2013 г. исполняется 70 лет со времени освобождения территории Курской области от немецко-фашистских захватчиков. При подготовке сборника использованы впервые вводимые в научный оборот рассекреченные документы полевых управлений Брянского, Воронежского и Центрального фронтов, 13-й, 38-й, 40-й, 60-й, 69-й, 65-й, 70-й армий и 26 стрелковых, кавалерийских, танковых дивизий и бригад; мемуары военачальников А.М. Василевского, Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, П.И. Батова, П.Н. Лащенко, М.И. Казакова и других.

Использованы фотографии из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов, ЦАМО РФ, личных архивов авторов.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

Пархоменко З.В.

УСЕРДНЫЕ СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА

*О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!*

А.С. Пушкин

Всем известны имена русских генералов, отличившихся в Отечественной войне 1812 года. 1-й Западной армией командовал Барклай-де-Толли, 2-й – Багратион; они были главными. 3-я Западная, которой командовал генерал Тормасов, была резервной. В начале войны успешными действиями на Киевском направлении она отвлекала на себя значительные силы противника.

Я была лично знакома с правнуком генерала Тормасова – Виктором Владимировичем Тормасовым. Оба участника великих войн, оба не посрамили чести, сражаясь за Отечество. Их родство подтверждается документами и материалами семейного архива, с которым я имела возможность познакомиться и теперь готова порадовать краеведов-читателей журнала с некоторыми из них. На мои вопросы хозяин всегда отвечал охотно и с видимым удовольствием, найдя во мне благодарного слушателя.

В газете «Правда» за 27 сентября 1972 года была опубликована заметка внештатного корреспондента «Загадка холма», которая очень заинтересовала Виктора Владимировича. ... Холм на западной окраине города Кобрин местные жители именуют «Батареей». История этого названия долгое время оставалась тайной. На днях здесь строители под толщей грунта обнаружили горки из металлических «мячиков». Это были пушечные ядра калибра от 100 до 150 миллиметров. Сотрудники Кобринского военно-исторического музея имени А.В. Суворова установили, что такими боевыми припасами пользовались русские артиллеристы в Отечественной войне 1812 года. На кобринской земле 3-я русская армия генерала Тормасова нанесла наполеоновским войскам серьезный удар. находка вошла в экспозицию музея.

О том, что он является правнуком героя Отечественной войны 1812 года Виктор Владимирович Тормасов (1912 г.р.) узнал в 1937 году, когда был уже убеждённым коммунистом (вступил в ВКП(б) в 1932 году). С тех пор Виктор активно, заинтересованно собирал любые сведения, связанные с этим периодом жизни его семьи и любое упоминание о своём знаменитом прадеде.

В Эрмитаже в галерее 1812 года среди других портретов героев Отечественной войны висит портрет работы художника Рейхеля (1813г.). С холста смотрит бравый мужчина во цвете лет (здесь ему не более 50-ти) – генерал Тормасов. Когда мне с друзьями удаётся бывать в Ленинграде, я каждый раз прошу их зайти в галерею 1812 г и рассказываю им историю о том, что связывает Белгородчину с событиями 200-летней давности.

Родился Александр Петрович Тормасов в 1752 году от благородных небогатых родителей. В 10 лет взят был ко дворцу императора Петра III пажем и 10 лет оставался в сем звании при дворе Екатерины Великой. В 1772 году вступил на военную службу поручиком и вскоре стал адъютантом генерала графа Брюса, потом при нем же сделался генерал-адъютантом. В 1777 году он перешел в действительную фронттовую службу подполковником в Егерский финляндский батальон, из которого вскоре назначен командиром Далматского гусарского полка. Император Павел I в 1798 году пожаловал его генерал-лейтенантом, а через год – генералом от кавалерии. Он был почти 4 года киевским военным губернатором, а потом рижским.

Собственная болезнь и расстроенное здоровье супруги заставили его просить об увольнении от службы, но «по кончине супруги своей в 1808 году вступил опять в службу и вскоре был назначен главнокомандующим в Грузию». В 1812 году ему была вверена 3-я обсервационная (резервная) армия и со званием главнокомандующего – все права, власть и преимущества, «какие главнокомандующим действующих армий по положению присвоены».

На военном поприще А.П. Тормасов был известен как неустрашимый офицер и благоразумный начальник. «Хладнокровию его и присутствию духа в самом пылу сражения весьма многие удивлялись». За годы военной службы он получил много наград. В их числе – орден св. равноапостольного князя Владимира 2-й степени, орден св. Александра Невского, заслужил украшенную бриллиантами шпагу с надписью «За храбрость».

... В достопамятный 1812 год при вторжении неприятеля «в пределы Отечества нашего и при начальном его преуспевании, когда с каждым новым ударом, с каждым шагом его вперед наносилось новое беспокойство жителям обеих столиц и когда страхом объятые семейства начинали уже в самом Петербурге терять надежду на безопасность, генерал Тормасов с графом Витгенштейном впервые показали возможность бить неприятеля». О победе, одержанной генералом Тормасовым над французским Саксонским корпусом при Кобрине, говорила вся Россия. Затем генерал Тормасов одержал новую победу над соединенными австрийскими, саксонскими и польскими войсками при местечке Городечна.

После чего «государь повелел ему сдать свою армию адмиралу Чичагову и прибыть к главной армии князя Кутузова, который уже гнал Наполеона. Содействие Тормасова, по собственному свидетельству фельдмаршала Кутузова, привело к поражению неприятеля под Красным». Государь император «пожаловал его кавалером ордена св. Андрея Первозванного».

30 августа 1814 года Александр I, намереваясь отбыть из России, назначил генерала Тормасова «главнокомандующим в Москву, едва только что начавшуюся отрясать еще дымящийся пепел с развалин своих и молящую о призрении и помощи». По возвращении царя в конце 1815 года в Петербург московские граждане принесли его императорскому величеству «за дарование им такого начальника всеподданнейшее благодарение,

свидетельствуя в письме своем, что генерал Торماسов явил им разительный пример возможности, сохраняя Высочайшее Его Императорского Величества законы, быть равно внимательным к богатому и убогому, к сильному и слабому, к сущему в чести и в ничтожестве пребывающему». В 1816 году монарх в ознаменование «признательности своей к заслугам генерала Торماسова перед Отечеством возвел его в графское Российской империи достоинство со всем нисходящим от него потомством». В 1818 году Москву посетил король прусский, который пожаловал графу Тормасову орден Черного Орла.

...Читаю исторический, политический и литературный журнал «Сын Отечества», издаваемый Николаем Гречем (часть 59, С.-Петербург, 1820 г.). Краткое известие о жизни, характере, самой кончине бывшего Московского Военного Генерал-губернатора Графа Александра Петровича Торماسова: «Граф Александр Петрович был роста высокого и до преклонных лет сохранил весьма приятную, величавую и благородную наружность. В молодости своей считался красавцем. Будучи от природы несколько вспыльчивым, он умерял сию запальчивость своим добродушием и мягкосердечием, которое составляло отличительную черту его характера. Он не был ни жесток, ни злопамятен и никогда не унижался до того, чтобы угнетать или преследовать кого-либо по личному неудовольствию или озлоблению.

Граф Александр Петрович был женат на девице, происходящей от благородной лифляндской фамилии, но брачную жизнь наслаждался весьма недолго. От сего брака остался ему один сын 13 лет, которому для компании принял он к себе равнолетнего сына одного полковника, в сражении потерявшего жизнь и некогда служившего под его начальством. Сироту этого он содержал и воспитывал без малейшего различия со своим сыном.

Умер Александр Петрович после тяжелой болезни 13 ноября 1819 года, похоронен в Москве, в Донском монастыре, в той самой церкви, в которой похоронены Архиепископ Московский Амвросий и князь Николай Васильевич Репнин». Автор заканчивает своё повествование словами «...он был верный слуга своего монарха, усердный сын Отечества и вельможа честный. Этого и сама зависть у него не отнимет».

О своём деде Виктор Владимирович помнил немного. Знал, что Пётр Александрович Тормасов имел небольшое имение (тридцать душ крепостных) в Ярославской губернии. Стал известен тем, что, продав имение, на вырученные деньги построил первый в России телеграф Москва-Ярославль-Вологда. Предприятие это оказалось не очень прибыльным, но нужным и впоследствии перешло в собственность государства. Пётр Александрович длительное время работал там главным механиком. Имя его не забыто соотечественниками, в экспозиции Ярославского исторического музея есть портрет П.А. Тормасова кисти неизвестного художника.

О родителях Виктор Владимирович имел тоже скудные сведения (время было такое). Отец Владимир Петрович был смотрителем ремесленного училища, мама Елена Михайловна – преподавателем.

Сын Виктор родился у них 3 апреля 1912 года, окончил школу в селе Васильево Никольского уезда Вологодской губернии, поступил в педагогическое училище в Вологде и одновременно работал электриком, а в 1932 году уехал к родственникам в Ленинград. Здесь с отличием окончил политехнический институт им. Калинина, остался в аспирантуре. Начал работать главным энергетиком в Академии наук СССР.

О своём «непролетарском» происхождении Виктор Владимирович узнал не от родственников (они этот факт тщательно скрывали), а от бдительного кадровика «закрытого» учреждения, где началась научная и военная карьера будущего профессора Тормасова В.В.

До войны он успел закончить курсы шоферов. Службу в Красной Армии начал с июня 1941 года в должности командира автороты... К концу 1943 года получил звание инженер–капитана и был назначен на должность пом. командира автобатальона. Участвовал в героической обороне Ленинграда и легендарной «Дороги жизни» (Ладога)... На Ладоге получил второе ранение. За проявление доблести и мужества Виктор Владимирович был награждён орденом «Красная звезда» и медалью «За оборону Ленинграда». Далее в составе войск 1-го Украинского фронта явился участником героического штурма Берлина и освобождения столицы Чехословакии Праги, умело обеспечивая переброску мотопехоты, снабжение боеприпасами передовых частей фронта и быстрое восстановление повреждённой в боях техники. Награждён медалями «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги».

По окончании войны с Германией в составе той же части принял участие в борьбе с японскими империалистами в августе 1945-го года, где также успешно обеспечивал необходимую мобильность и маневренность части в условиях горно-таёжной местности и полного бездорожья. За участие в военных операциях в Маньчжурии награждён медалью «За Победу над Японией».

В служебной характеристике от 7/XII-1945 года отмечено: «В отношении к сослуживцам проявил себя, как чуткий товарищ, а к подчинённым, как требовательный и справедливый офицер, показал себя технически грамотным и отлично знающим своё дело инженером Политически выдержан, делу партии Ленина-Сталина предан».

После войны Виктор Владимирович работал сначала в Москве в команде Курчатова, а затем в Ленинградском политехническом институте сначала ассистентом, а после защиты диссертации в 1952 году старшим научным сотрудником НИИ постоянного тока. Но «дворянство» опять помешало нормальному течению жизни. Обстоятельства заставили его уехать на Север.

Очень надеялся, что временно (верил, что справедливость восторжествует), однако пролетело более 30 лет. В Норильске В.В. Тормасов работал заведующим кафедрой электротехники в индустриальном институте, возглавлял сектор одного из научных институтов. На счету Виктора Владимировича – более 130 научных трудов и изобретений, он автор учебника по электротехнологии основных производств, выпущенного

издательством «Высшая школа» в 1970 году... До 1993 года трудился Виктор Владимирович.

Случилось так, что его племянники (дети брата Александра) стали членами Московского дворянского собрания под предводительством князя Андрея Кирилловича Голицына и дядю записали. Он отнёсся к этому спокойно - без восторга, но и не сопротивляясь. Виктор Владимирович считал, что следование дворянскому кодексу чести – дело небесполезное. Оно способно укрепить пошатнувшиеся нравственные устои. Люди высокообразованные, всесторонне развитые нужны России. Однако был убеждён, что духовная элита общества должна складываться из людей всех сословий. Социальное происхождение не гарантирует исключительных интеллектуальных и иных достоинств. С предками нам может «повезти» больше или меньше, но только от самого человека зависит, будут ли им гордиться потомки.

В 1993 году Виктор Владимирович переезжает в Белгород, (остаться в Ленинграде ему не позволяло здоровье), получив однокомнатную квартиру в доме, который строил вместе с белгородцами «Норильский никель». Мы оказались соседями по дому и очень скоро подружились, несмотря на значительную разность в возрасте. Нас многое объединяло: Ленинград, профессия, любовь к литературе, театру, взгляд на происходящие события, отношение к людям и т.д. Моя семья: муж, дочь, сын и даже восьмилетний внук не раз были свидетелями наших бесед и зачастую принимали участие в них. 85-летний юбилей графа В.В. Тормасова мы отмечали в нашей квартире, где он любил бывать и чувствовал себя весьма комфортно. В этот день мы сняли о нём фильм (автор Дмитрий Боев – телекомпания «Магнит»), где попросили Виктора Владимировича рассказать о себе, а уж потом было застолье в кругу друзей, которые пришли поздравить интересного, но очень одинокого к тому времени человека.

Продолжает род Тормасовых сын Виктора Владимировича – Николай Викторович - живёт и работает в г. Пушкин Ленинградской области, а у него единственная дочь Юлия Николаевна (19...г.р.) вышла замуж за Ефимова Андрея - выпускника Ленинградской духовной семинарии. Семья живёт в Белгородской области в Ивнянском районе. Отец Андрей служит в с.Песчаное, Юлия Николаевна поёт в церковном хоре.

У них трое деток: дочь и два сына. Софья окончила факультет журналистики БелГУ и уехала к деду в Ленинград, Кирилл учится в 7-м классе Ивнянской школы, Илье 4 года и он в детском саду получает «образование». Граф В.В. Тормасов познакомился со своей правнучкой, а мальчишек, о которых мечтал, не успел повидать.

Умер Виктор Владимирович в 1999 году. Похоронен на кладбище в п. Ячнево. Скромный памятник, который он заказал ещё при жизни, отмечает место захоронения. С согласия сына многие документы, костюм с наградами переданы в Белгородский музей – диораму.

Смолин Н.Н.

ПРАЗДНИКИ И БУДНИ... (ТОРЖЕСТВА, СВЯЗАННЫЕ С ФОРМИРОВАНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОДВИЖНОГО ОПОЛЧЕНИЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1855 г.)

Одним из приоритетных направлений внешней политики императора Николая I, правившего в России в 1825-1855 гг., стал восточный вопрос. К этому времени могущество Османской империи начало ослабевать, но она сохраняла контроль над единственным выходом из Черного моря, шедшим через Босфор и Дарданеллы. Это отрицательно сказывалось на торговле России и безопасности ее южных рубежей. Николай I считал возможным воспользоваться ослаблением военно-политической мощи Турции для укрепления своих позиций в черноморском регионе. Но замыслы русского царя не разделяли правительства Англии и Франции, которые не были заинтересованы в усилении русского влияния. В 1853 г. началась война России с Турцией, позднее получившая название Крымской. В 1854 г. в нее вмешались Англия и Франция, выступившие на стороне Турции. Обстановка сразу изменилась не в пользу России. Ее военный потенциал уступал силам противостоявшей коалиции.

В начале XIX в., когда русская армия вела войну с превосходящими силами армии Наполеона, в стране были сформированы временные нерегулярные войска – ополчение.¹ Наполеоновские войны показали, что России необходима коренная военная реформа. Армия страны имела ограниченную численность, рекрутский принцип комплектования не позволял увеличить ее в ходе войны. Но на протяжении довольно длительного царствования императора Николая I в основе комплектования армии оставался именно рекрутский принцип. С началом Крымской войны наиболее ожесточенные боевые действия развернулись под Севастополем, где русские войска действовали в крайне невыгодных условиях и несли большие потери. Перед руководством страны встала задача изыскать способы пополнения армии. Дополнительные рекрутские наборы были малоэффективны, в силу чего было решено сформировать ополчение. Оно получило название Государственное Подвижное.

Императорский манифест о призвании к ополчению вышел 29 января 1855 г.² В соответствии с указом, вышедшим в тот же день, надлежало начать набор ратников в губерниях первой очереди.³ Перед остальными регионами

¹ См.: Апухтин В.Р. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну, Т. 1, Ч. 1-2, М., 1912, Бычков Л.Н. Народное ополчение 1812 г. // Исторический журнал, 1941, № 10-11, Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962 и др.

² Все даты приведены в соответствии со старым стилем.

³ Ополчение первого призыва формировалось в Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Тверской, Смоленской, Курской, Московской, Вологодской, Костромской, Нижегородской, Ярославской, Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Тамбовской, Пензенской губерниях, второго призыва – в Вятской, Воронежской, Харьковской, Черниговской, Полтавской, Саратовской, Симбирской, Пермской, Псковской, Витебской, Могилевской губерниях, третьего призыва – в Оренбургской и Самарской губерниях.

была поставлена задача подготовиться к набору ополчения второго призыва. Одновременно вступило в силу Положение об ополчении, согласно которому оно подразделялось на дружины. Новая рать формировалась не на добровольной основе. В ратники набирали представителей всех сословий, уплачивавших подушную подать, по 23 мужчины с каждой тысячи ревизских душ. Порядок их призыва был подобен рекрутским наборам. Офицеров предстояло избрать дворянским собраниям губерний и уездов из числа дворян, кто прежде «с отличием» нес службу в армии или военном флоте. Урядниками, т.е. унтер-офицерами, следовало назначать так называемых кадровых нижних чинов из состава гарнизонных частей. Их основная задача заключалась в обучении ратников.

Общая численность Государственного Подвижного ополчения превысила 350 тысяч человек. В соответствии со штатным расписанием дружина должна была насчитывать 920 ратников, 80 урядников, 18 обер-офицеров, одного штаб-офицера, 18 горнистов и барабанщиков, 51 нестроевых чинов, в том числе врача, фельдшера, писарей, оружейников, ложников, кузнецов, плотников, ездовых и денщиков.¹ Позднее численность дружин несколько возросла по мере включения в них кадровых нижних чинов – по 9 унтер-офицеров и 40 рядовых. «Главнейшее внимание, – отмечалось в инструкции, одобренной императором Александром II 21 февраля, – должно быть обращено на обучение стрельбе в цель».² От регулярных войск ополчение отличалось тем, что созывалось лишь до заключения мира. Ратникам разрешалось носить бороды. Многие из них пользовались этим правом, подчеркивая, тем самым, что они служат не в армии и призваны в строй только на время военных действий.

Дружины первого призыва формировались в период с февраля по июль 1855 г. В соответствии с документами, утвержденными 29 января 1855 г., местному руководству надлежало учредить губернский комитет ополчения. Его функции заключались в наборе ратников, сборе продовольствия, фуража, материальных пожертвований, в обеспечении дружин имуществом. По свидетельству курской печати, как только в губернии был получен императорский манифест, все депутаты дворянского собрания были приглашены в Курск. К 20 февраля большинство из них прибыли. Предводители дворянства уездов съехались и приступили к совещаниям несколькими днями ранее. 20 февраля дворяне собрались на литургию, по окончании которой выслушали слово священника. Как отмечала курская печать, в нем была заключена вся великость значения свершавшихся событий, вся важность дела, порученного дворянству. Вечером многие горожане повторяли слова священнослужителя в своих домах.

По выражению редактора Курских губернских ведомостей, утро следующего дня разбудило многих дворян раньше, чем обычно. В одиннадцатом часу утра они отправились к губернатору, а от него – в здание

¹ ПСЗ. 2-е изд. Т. XXX. СПб., 1856. С. 85-87, 95.

² РГВИА. Ф. 14882. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.

дворянского собрания. В двенадцатом часу зал заседаний был заполнен, на хорах и балконах расположились дамы.¹ Штаб-офицер корпуса жандармов, состоявший в Курской губернии, в донесении на имя шефа жандармов графа А.Ф.Орлова, отметил в свою очередь, что депутаты дворянского собрания приступили к работе 21 февраля, «заботясь о средствах успешнейшего формирования временного подвижного ополчения». При открытии заседания курский военный и гражданский губернатор генерал-майор И.Д.Лужин зачитал императорский манифест о призвании к Государственному Подвижному ополчению. Собравшиеся встретили чтение документа громким троекратным «Ура!» Далее автор донесения изложил слова речи, с которой начальник губернии обратился к депутатам.

«Милостивые государи! Священные слова, изреченные в манифесте всемилостивейшим государем императором нашим, конечно уже запечатлелись на сердцах каждого из вас; без сомнения каждый из вас проник тут священнейшим чувством беспредельной преданности престолу, любви к Отечеству и готовности жертвовать не только всем достоянием, но и собственною жизнью; эти доблестные качества, искони отличавшие благородное дворянство, и ныне составляют драгоценнейшее наследие и завет предков наших. Его величество, снисходя ко всеобщим стремлениям своих верноподданных, соизволил осчастливить вас, обратив на вас первых державный призыв свой на защиту святой веры, престола и Отечества, и я вполне почитаю себя счастливым, что, впервые являясь в собрание ваше, возвещаю вам эту царскую милость. Итак, приступая к этому великому делу, вознесем молитвы наши всемогущему Богу и испросим благодати... на святое начинание и... окончание».²

В донесении подчеркивалось, что на воззвание начальника губернии депутаты дворянского собрания снова ответили громким троекратным «Ура!» которое «потрясло своды зала». По выражению автора документа, «задушевым Ура!» собравшиеся встретили слова предводителя дворянства, который вслед за выступлением губернатора произнес: «я уверен, что дворянство Курской губернии, всегда крепкое в любви к Отечеству и царю, оправдает доверие обожаемого монарха, не так ли, господа!» По окончании вступительных речей состоялся молебен с водоосвящением. Перед его началом в зал, где проходило заседание собрания дворянства, под звуки духовной музыки была торжественно внесена икона Знамения Божьей Матери, после чего архиепископ Курский и Белевский Илиодор сказал собравшимся приветственное слово. По замечанию штаб-офицера корпуса жандармов, состоявшего в Курской губернии, оно было исполнено «теплоты, чувства искренности и правды».

В своем выступлении архиепископ предложил депутатам вспомнить, кто и почему к ним обращался. Он подчеркнул, что их призывал помазанник Божий, призывал на защиту церкви, престола и Отечества. Он отметил, что

¹ Курские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. 26 февраля.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 30. Д. 186. Ч. 1. Л. 48.

церковь и Отечество были равно дороги царю и всем его подданным, именно им они были обязаны и жизнью, и здоровьем, и достоянием, потому на их защиту можно было пожертвовать всем. Война была названа святой и правой, ибо речь шла не только о защите Родины, но и о поработанных братских православных народах. Архипастырь призвал дворян, помолившись и испросив благословение Божье, оправдать надежды царя, доказать, что они достойные потомки великих предков, не щадивших за Родину жизни и достояния.¹ Предводитель дворянства со своей стороны попросил у архиепископа благословение и призвал его молиться за дворян, съехавшихся формировать ополчение. Далее состоялся молебен с провозглашением многолетия царствовавшему дому.²

В ходе работы дворянское собрание избрало кандидатов на должность заведующего дружинами. Первый из них, генерал-майор Д.Н.Белевцов, впоследствии утвержденный императором в этой должности, происходил из курских дворян. В 1855 г. ему исполнилось 55 лет. Службу он начал в 1815 г. юнкером в лейб-гвардии Финляндском полку, в 1817 г. получил чин прапорщика. В 1829 г. ему присвоили чин полковника и перевели в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1837 г. он был произведен в генерал-майоры и получил назначение состоять при начальнике Первой гвардейской пехотной дивизии. Далее Д.Н.Белевцов командовал бригадами в Третьей и Тринадцатой пехотных дивизиях, а в 1840 г. был уволен из армии по болезни с мундиром и пенсионом в две трети жалования. Всего генерал прослужил 24 года 10 месяцев, из них офицером – 22 года 3 месяца, генералом – 3 года. Он принимал участие в боевых действиях с турками и польскими повстанцами в 1828 и 1830 гг.

Вторым кандидатом в заведующие собрание избрало генерал-майора Я.Н.Кульнева. Он был годом старше Д.Н.Белевцова, начал службу в 1819 г. Военный стаж второго кандидата был несколько большим – 33 года и 3 месяца, из них в чине генерала 4 года и 7 месяцев. Он тоже имел опыт участия в военных действиях против турок, польских и венгерских повстанцев в 1828-1829, 1831 и 1849 гг.³ На выборах заведующего дружинами Курской губернии 23 февраля 1855 г. за Д.Н.Белевцова было подано 681 голосов, против – 27, в пользу Я.Н.Кульнева было подано 467 голосов, против – 241. Таким образом, заведующим дружинами Курской губернии был избран Д.Н.Белевцов. Впоследствии, по прибытии частей ополчения в Крым, императорским приказом от 12 августа 1855 г. Д.Н.Белевцову было предписано осуществлять руководство курскими дружинами вплоть до их распределения в полки, а затем состоять при главнокомандующем военными силами России в Крыму князе М.Д.Горчакове.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 30. Д. 186. Ч. 1. Л. 49-50.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 30. Д. 186. Ч. 1. Л. 47.

³ РГВИА. Ф. 395. Оп. 264. Д. 230. Л. 2, 14, 15, 20.

Избрав заведующего частями ополчения губернии, дворянство начало выборы офицеров. Ход выборов довольно подробно охарактеризовал в своих воспоминаниях Н. Решетов, служивший в тот момент предводителем дворянства Новооскольского уезда. «В 1855 году, во время Крымской войны, – отметил автор воспоминаний... было сформировано ополчение. Когда объявлен был в Курской губернии... манифест о наборе ратников, то, прежде всего, нужно было... дворянам избрать в губернском дворянском собрании начальника ополчения от губернии и от каждого уезда по одному начальнику дружины (в чине штаб-офицера) и 12... обер-офицеров. Хотя дворян из отставных военных, живших в Курской губернии, было немало, но, когда приступили к выборам, то их оказалось недостаточно для укомплектования ополчения офицерами. Пришлось обратиться к отставным штатским чиновникам, и таковых, по выбору в ополчение, переименовать в военные чины. Во время выборов случалось много курьезов.

По правде сказать, – продолжил предводитель дворянства, – при всем патриотическом настроении того времени, мало находилось желавших идти по своей воле офицерами в ополчение; а потому многие дворяне явились на выборы с докторскими свидетельствами о своих телесных немощах: иные вдруг захромали, другие жаловались на удушье и на сильнейшие ревматизмы, препятствующие службе; один предлагал посмотреть ему в рот, где не было зубов; а некто, отставной уланский поручик Чернявский... откровенно заявил, что он готов с удовольствием поступить в ополчение, только не пешее, а конное, так как он по своей тучности и сильному потению лишен возможности двигаться пешком, тогда как верхом может ездить неутомимо. Много нужно было умения уездным предводителям, чтобы набрать для дружин полное число офицеров... Набор ратников был не так затруднителен, благодаря тому, что в ратники разрешено было принимать людей более зрелого возраста...»¹

Автор воспоминаний остановил внимание на двух факторах, послуживших препятствием формированию офицерского корпуса ополчения. С одной стороны, события 1855 г. не вызвал у дворянства такого одушевления и желания встать в строй как предполагалось. Однако основные сложности при формировании офицерского корпуса ополчения вызвали иные обстоятельства. Следует отметить, что ни в Курской губернии, ни в большинстве других регионов страны не проживало достаточного числа отставных офицеров, сохранивших способность носить оружие. Постепенно правительству пришлось предоставить возможность служить офицерами ополчения более широкому кругу лиц, упростить порядок зачисления на службу, увеличить материальные стимулы. Однако, почти во всех частях ополчения, вплоть до их расформирования, не хватало офицеров. Еще

¹ Решетов Н. Дела давно минувших дней. // Русский архив. 1885. кн 2. (№ 5-8). С. 435-436.

бóльшие сложности были вызваны недостатком врачей. Лишь немногие дружины оказались укомплектованы медицинским персоналом.¹

Много критики вызвало оружие, выделенное ополчению. В основном это были старые, гладкоствольные, кремневые ружья. Но и этого оружия всем не хватало. Поэтому дружинам было предписано вооружить 800 ратников. Из остальных требовалось сформировать безоружные команды по 160-200 человек. Впоследствии их предполагалось использовать для восполнения потерь. Не стали исключением курские дружины. Н.Решетов отмечал, что многие ружья, доставленные в дружину № 49, были неисправны. Между тем, в бумаге, поступившей из арсенала, значилось: «посылаются ружья, хотя и старые, но безопасные для потребления». По замечанию Н.Решетова, безопасны они были для врага. Из некоторых было невозможно стрелять, они могли служить лишь холодным оружием.² Состояние ружей внесло коррективы в обучение ратников. Не имея возможности уделить должное внимание стрельбе, командование было вынуждено направить основные усилия на строевую подготовку.

Имущество дружин тоже не отличалось качеством. Губернские комитеты ополчения заключали договоры на поставку обмундирования с подрядчиками-купцами. Поставленная ими форменная одежда, как правило, была низкого качества, при ее изготовлении нередко использовались старые, пришедшие в негодность материалы и их заменители. Летом 1855 г., когда дружины начали выдвижение на театр военных действий, обмундирование было относительно новым и выглядело вполне достойно. Однако одежда и обувь ратников, будучи по качеству существенно хуже солдатских, быстро приходили в негодность, плохо защищали от ненастья, из-за чего в дружинах росло число больных. Словом, при выполнении решений правительства местному руководству и командованию дружин приходилось действовать полумерами, что привело к неудовлетворительным результатам. Завершив свое формирование, части ополчения были в недостаточной мере готовы к участию в войне.

На протяжении осени 1855 г. и последующей зимы обмундирование ратников быстро изнашивалось, что усилило рост заболеваемости. Не отличалась в лучшую сторону обстановка, сложившаяся в подразделениях, сформированных Курской губернией. 3 декабря 1855 г. полковник Н.А.Обнинский, начальник дружины № 73, расположенной в Крыму, отметил, что поблизости стояла «одна дружина Курского ополчения, несчастная во всех отношениях. Откуда набрали они таких уродов, чтобы наполнить ими дружину? Настоящие курские перепела, мухортенькие, невидные, одеты так, что срам».³ Отметим, однако, что критические оценки возобладали лишь во второй половине 1855 г. В мае-июне, на завершающем

¹ Подробнее см.: Смолин Н.Н. Государственное Подвижное ополчение России в Крымской войне: итоги выполнения правительственных решений. // Троицкий вестник. Сборник статей. Троицк. 2006. С. 76-77.

² Решетов Н. Дела давно минувших дней. // Русский архив. 1885. Кн 2. (№ 5-8). С. 436.

³ [Обнинский Н.А.] Записки полковника Наркиза Антоновича Обнинского о Крымском походе 1855-1856 годов // Русский архив, 1891, № 11, С. 378.

этапе формирования частей Государственного Подвижного ополчения, их состояние вызывало исключительно восторженные оценки. Характеризуя состояние дружин, многие отмечали, что они выступили к местам своего назначения в совершенном порядке.

По итогам официальных отчетов члены комитетов ополчения ряда губерний, руководившие набором дружин, получили благодарность императора Александра II. В одном из приказов по Государственному Подвижному ополчению император объявил благодарность заведующему дружинами, сформированными в Курской губернии, генерал-майору Белевцову, военному и гражданскому губернатору Курска генерал-майору свиты его величества Лужину, предводителю дворянства капитану Киреевскому и всему дворянству Курской губернии. Благодарность была объявлена за то, что «все 17 дружин... выступили в поход в начале июня в весьма удовлетворительном во всех отношениях состоянии и, принимая во внимание, что снаряжение дружин было произведено в самый короткий срок». Основанием для награждения послужило донесение генерал-майора свиты его величества графа Баранова, наблюдавшего за набором и обучением частей ополчения в Курской губернии.¹

По сообщению курской печати, 8 мая 1855 г. Д.Н.Белевцов прибыл в Путивль для осмотра формировавшейся там дружины. Автор публикации А.Львов вместе со всеми поспешил на площадь. По его признанию, едва он увидел ратников в строю, у него, старца, ветерана 1812 г., сердце затрепетало оттого, что «русские всегда и везде молодцы». Горожане с восхищением взирали на прекрасный строй, правый фланг которого начинался десятивершковыми богатырями. Особое уважение вызывал действительный статский советник Степанов, в котором любовь к Родине превзошла иные «привязанности», вынудила оставить дом, семью, чтобы вести дружину с той же отвагой, с какой он водил солдат в молодости. Ручательством его будущих несомненных заслуг автор публикации назвал отличную службу и георгиевский крест, полученный им за смелость в 1829 г. Ратники, по замечанию А.Львова, ловко проделали строевые приемы, хотя получили оружие не более чем за месяц до этого.

По окончании смотра генерал поблагодарил начальника дружины за порядок и исправность, ратники с песнями разошлись по квартирам. Автор корреспонденции заметил, что никто из иностранцев никогда не поверил бы, что это войско составлено из земледельцев и обучено командирами, которым самим пришлось постигать военное дело под руководством подчиненных им кадровых нижних чинов. Даже своих детей офицеры одели в форму ратников и в свободное время утешались тем, как дети палками вместо ружей делали «на караул!» «Чего нельзя достигнуть с таким народом», – подвел итог автор публикации. Дружина отличалась и отменными нравственными качествами. По замечанию А.Львова, никто ни разу не пожаловался на ратников,

¹ РГВИА. Ф. 12281. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.

наоборот, они помогали хозяевам, как в родной семье. Помещики представили для службы в ополчении самых крепких и здоровых людей, достойных служить и в гвардии. Члены присутствия для приема ратников выбраковывали очень немногих.¹

11 мая, услышав барабанный бой и большой колокол Преображенского собора, жители Путивля поспешили на площадь. Там была выстроена дружина, развевались хоругви, на двух аналоях были выложены иконы, предназначенные в благословение ополчению от Глинского и Сафрониевского монастырей. Состоялся молебен Божьей Матери, ратников осенили образами, затем иконы были переданы дружине. Все преклонили колени и молились о послании небесной благодати императору и воинам, «умиление было общее», – отметил А.Львов. Особенно всех растрогала речь священника Василия Духовского, «приличная обстоятельствам» и исполненная назидания. Начальник дружины поздравил подчиненных с возможным скорым выступлением в поход, ратники ответили дружным «Ура!» Представители монастырей пожертвовали дружине 50 рублей. После многолетия императору и царствующему дому собравшиеся прикладывались к иконам, духовенство окропило всех святой водой.²

Первыми из мест формирования выступили дружины С.-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Тверской, Смоленской и Курской губерний. 9 июня Д.Н. Белевцов отдал приказ о выступлении дружин № 39 и 40. Им предписывалось 10 июня выстроиться на площади у Херсонских ворот лицом к церкви в походной форме, «и чтобы кроме белых шаровар, – отметил заведующий, – я никакого другого цвета не видел».³ После молебна дружинам следовало пройти церемониальным маршем мимо трибуны, подготовленной для руководства губернии. Выйдя за город, им, согласно приказу, следовало перестроиться в походную колонну и идти далее, имея впереди авангард, а позади колонны арьергард. Повозки, не входившие в официально утвержденный обоз, требовалось заранее отправить вперед, а провиантским и казначейским телегам, лазаретным фурам и патронным ящикам в момент прохождения дружин церемониальным маршем предписывалось следовать в хвосте колонны.⁴

8 июня дружина № 50, выступившая несколько ранее, прибыла в город Мирополье. По свидетельству курской печати, жители оставили свои занятия и старались продемонстрировать полное радушие ополчению. В 10 часов подразделения выстроились на площади, куда были вынесены иконы, крест, евангелие, святая вода. Состоялся молебен, после которого протоиерей Василий Левченков произнес речь. Он отметил, что нижним чинам следовало безропотно переносить трудности и повиноваться начальству, только это делало воина достойным его звания. Ратникам, подчеркнул протоиерей,

¹ Курские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. 18 июня.

² Курские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. 18 июня.

³ РГВИА. Ф. 12281. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

⁴ РГВИА. Ф. 12281. Оп. 1. Д. 3. Л. 11-12.

предстояло защищать престол, Отечество и веру, что составляло святой долг служения Богу, и Господь, несомненно, даст им благословение и силы на предстоявший подвиг, на попрание врагов. Слово «дружина», по замечанию священника, было коренным русским, родным, предки дружинами ополчались за родную землю и вознесли царство на ту ступень величия, на которой оно пребывало.

Затем священник благословил ратников иконой Спасителя, приготовленной обществом в дар дружине. Тем временем духовенство ходило по рядам, кропило ратников святой водой. Народ молился, внимая пению клира. С самого утра в городе происходили приготовления к застолью. По окончании духовной части торжества были расставлены столы, и городской голова Прокофий Гетман с сослуживцами предложил нижним чинам отобедать. Тем временем становой пристав Иванов угощал офицеров на квартире, заранее приготовленной для этого. Офицеры, по выражению редактора, были все местные, «туземцы», а потому на проводы собрались и родственники, и друзья, и сослуживцы. Окончательное прощание с близкими происходило вечером, когда дружина снова выстроилась на площади. По свидетельству курской печати, оно прошло без малодушия, с упованием на Бога, все утешали друг друга. Ратники уверяли, что с готовностью идут послужить царю за правое дело.¹

В эти дни калужская печать отмечала: «всякое торжество русский народ привык сопровождать угощением... *В настоящую трудную годину такого рода пиршества беспрестанно повторяются во всех концах пространной России, провожающей сынов своих на защиту Веры, Царя и Отечества*».² Данное замечание не следует считать преувеличением. Практически везде, где происходил набор ополчения, проходили торжественные мероприятия в его честь. Так, 2 июня жители Белозерска тожественно проводили на войну дружину № 12, дружину № 36 жители Поречского уезда Смоленской губернии провожали в торжественной обстановке 3 июля... Простое перечисление всех празднеств займет несколько страниц. Периодическая печать была переполнена сведениями о проводах дружин с неизменными угощениями ратников и офицеров. Некритическое восприятие прессы наводит на мысль, что ополчение было сформировано, чтобы организовать всенародные празднования с парадами и застольями.

Размах и пышность праздников показывали, что набор ополчения был не только успешным, но и более чем успешным. Массовые церемонии демонстрировали, что процесс формирования дружин прошел еще лучше, чем это было предусмотрено решениями государя и правительства. В этот момент формирование ополчения превратилось в череду праздничных мероприятий. В условиях нехватки врачей, медикаментов, исправного оружия немалые средства были израсходованы на парады и застолья. Однако

¹ Курские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. 25 июня.

² Калужские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. № 32. Курсив наш – примечание автора.

следует принять во внимание, что праздничная кампания выглядит неоправданной растратой средств, будучи изложенной на бумаге. В 1855 г. торжества с непременноми застольями состоялись во всех городах, где формировались дружины, и повсюду они вызывали стечение множества посетителей. Эти обстоятельства дают основания полагать, что по понятиям своего времени массовые праздники не просто завершили набор ополчения, но и принесли вполне конкретную пользу.

Разворачивавшиеся события вызвали, в частности, живой отклик у жителей Белгорода. С момента начала военных действий до середины 1855 г. через город проследовали воинские части общей численностью до 100 тысяч солдат и командиров. По свидетельству курской печати, все они встретили самый радушный прием. С началом набора Государственного Подвижного ополчения белгородцы первыми предложили организовать сбор материальных пожертвований и собрали 65 тыс. рублей, если не учитывать стоимость фуража для подъемных лошадей формируемой в городе дружины № 48. Торжественные проводы ополчения на войну состоялись в Белгороде 15 июня. Еще накануне этого дня купеческое общество и откупщик Северов угощали нижних чинов на площади. Офицерам был организован обед, на котором присутствовал военный и гражданский губернатор Курска И.Д.Лужин, были провозглашены тосты за здоровье императора, царствующего дома в целом и за русское воинство.

На следующий день дружина № 48 выступала из города. На рассвете по сигналу трубы подразделения построились на площади. Сюда же стекались родственники и близкие нижних чинов и офицеров. В момент последних объятий раздался звон колокола. Духовенство во главе с архимандритом Флорианом, ректором семинарии, отслужило молебен, по окончании которого городской голова Муромцов и бургомистр Фомин поднесли дружине икону Николая Чудотворца в серебряной ризе, с позолоченным киотом. Архимандрит произнес назидательное слово, окропил строй святой водой, осенил иконой. По выражению редактора курской газеты, «дружина наскоро, но хорошо обученная, скорым шагом, как на веселый пир, пошла в поход», а горожане «долго, долго глядели на сверкавшие штыки и пыльную дорогу, и с полными чувствами возвратились домой». Для всех частей ополчения, сформированных в уездах Курской губернии и прошедших через Белгород, тоже было организовано застолье.¹

На первый взгляд торжественные прощания с дружинами свидетельствуют об их готовности. Именно так части ополчения воспринимались современниками войны, проживавшими вдали от военных действий. Центральные и местные газеты переполняла информация о том, как много сделали жители регионов для того, чтобы радушно проводить ратников. Для подавляющего большинства посетителей и участников массовых церемоний вновь сформированные подразделения выглядели

¹ Курские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. 16 июля.

вполне готовыми. Но нельзя не заметить, что при формировании дружин их командованию и местному руководству часто приходилось прибегать к полумерам, которые привели к неудовлетворительным итогам. Образно говоря, тожественные церемонии представляли собой пир во время чумы. Они имели место в тот момент, когда армия истекала кровью в борьбе с превосходящими силами врага, а по ходу формирования ополчения многим организационным вопросам не удалось найти решения.

Большинство праздничных торжеств, связанных с набором ополчения, были вызваны проводами дружин на войну. Их размах свидетельствует, что торжества с молебнами, обязательными напутственными речами, парадами и застольями считались довольно существенными мерами, необходимыми для формирования дружин, не уступавшими по значению набору, снабжению и обучению ратников. Без торжественных проводов процесс формирования ополчения не считался состоявшимся. Есть немало оснований предположить, что в России в середине XIX столетия несколько своеобразно воспринимался смысл прилагаемых усилий и жертвований. Уже отмечалось, что такие массовые мероприятия воспринимались не как символические события. В понимании людей рассматриваемой эпохи тожества играли хотя и не решающую, но довольно серьезную роль, а расходы на организацию парадов и застолий являлись, безусловно, вполне оправданными и необходимыми.

Между тем, масштабы жертвований в связи с набором ополчения оказались ниже ожиданий правительства, опиравшегося на опыт 1812 г. Так, по данным центральной печати жители Курской губернии к концу апреля 1855 г. сделали определенные жертвования, в частности в Белгороде – 54685 р., в Старом Осколе – 4840 р., в Щиграх – 1351 р., в Путивле – 4540 р., в Тиму – 310 р., в Короче – 3043 р., в Обояни – 2750 р., в Дмитриеве – 1829 р., в Судже – 2090 р., в Грайвороне – 232 р. 75 к.¹ С одной стороны участие в материальных сборах давало возможность каждому ощущать причастность к большому государственному делу, получить моральное удовлетворение, уподобившись предкам, которые в общественном мнении воспринимались исключительно великими. Но нельзя не отметить, что нравственный подъем, вызванный набором ополчения, имел особые черты. Большинство материальных жертвований предназначались на проведение массовых церемоний.

27 мая, в день праздника в честь иконы Знамения Курской Божьей Матери, братия Молчанского монастыря во главе с архимандритом Сосфеном пригласила Путивльскую дружину в обитель для напутствия. Утром по благовесту все подразделения выстроились к литургии. Храм не вмещал всех, и нижние чины молились на монастырском дворе. По окончании службы священник Николо-Великоретской церкви А.Космицкий прочитал проповедь, где разъяснял ратникам смысл их призыва на службу. Вслед за тем состоялся молебен о даровании победы с коленопреклонением и

¹ Северная пчела. 1855. 22, 28 апреля.

провозглашением многолетия императору и царствовавшему дому. Далее духовенство вынесло из храма иконы и разместило их на заблаговременно установленных аналоях. Архимандрит Сосфен прочитал воззвание Синода, после чего отслужил молебен с водоосвящением и акафистами Божьей Матери и Николаю Чудотворцу. Все собравшиеся усердно молились, встав на колени. Затем произнес речь священник В.Духовский.

В своем выступлении он в частности отметил, что состоявшееся торжество послужило лучшим украшением праздника в честь иконы Знамения Курской Божьей матери, что церковь помолилась о своих детях не как об обывателях, а как о государевых слугах. Он назвал иконы, поднесенные в дар каждому подразделению, подчеркнув, что Божье благословение сильнее всех. Далее было провозглашено многолетие императору и царствовавшему дому, после чего архимандрит благословил дружину крестом, заключавшим в себе святые мощи. Подходя к нижним чинам, он неоднократно повторял, что благословляет их на защиту веры, царя и Отечества, на поражение безбожных врагов, на благополучное возвращение. Под звуки колокольного звона ратники кричали «Ура!» После того как святые вернулись в храм, участников торжества пригласили на завтрак. С провозглашением тоста за здоровье государя офицеры огласили монастырские кельи громким «Ура!»

Тем временем белое духовенство Путивльского уезда обратилось к начальнику дружины действительному статскому советнику Степанову с предложением принять в дар икону, подготовленную для формировавшегося ополчения, и организовать торжественные проводы. Вместе с тем было высказано пожелание передать все поднесенные дружине иконы, после ее возвращения, в Преображенский собор для молитв и вечного напоминания о великих событиях, развернувшихся в Путивле в 1855 г. Жители уезда очень усердно молились о ниспослании всемогущей помощи новой рати, памятуя, что за Богом молитва и за царем служба не пропадают. А.Львов отметил на страницах курской печати, что происшедшие события на всю жизнь оставили глубокий след в сердцах ратников. Горожане же, как и все подданные Российской империи, отметил автор публикации, еще долго могли рассказывать потомкам о доблести ополчившихся в разгар войны «с полной ревностью и готовностью».¹

Об этих событиях А.Львов поведал в центральной печати. Он снова подчеркнул, что «русские всегда и везде молодцы», ибо трудно поверить, будто это новое войско составляли те, кто лишь месяц как оставили свои дома, а военному делу их так хорошо обучили офицеры, многие из коих оставили службу тридцать лет назад. По замечанию автора, ни один иностранец не поверил бы, что эти офицеры под руководством подчиненных им кадровых нижних чинов столь быстро усвоили ружейные приемы и требования новых уставов, будучи в таких преклонных годах. Подчеркнув,

¹ Курские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. 18 июня.

что ратники отличались примерной дисциплиной, А.Львов опубликовал описание праздника в честь образа Знамени Курской Божьей Матери и подчеркнул, что «1855 год будет столь же назидателен для воспоминания (как и 1812 г. – Н.С.) Потомство с... гордостью расскажет... детям и внучатам о доблестях нашего времени и передаст имена ополчившихся... с полною... готовностью за веру, царя и Отечество».¹

Торжественные проводы дружины № 52 состоялись в Путивле 12-13 июня. 12 июня освящалось знамя, при этом духовенство служило напутственный молебен. О начале торжества возвестил благовест с колокольни собора. Храм наполнился ратниками и собравшимися. Архимандрит местного монастыря, протоиерей, благочинные и все остальные духовные лица отслужили литургию и молебен о сокрушении врагов с коленопреклонением и возгласением многолетия императору и царствующему дому, христолюбивому воинству и Путивльской дружине. Далее духовенство с иконами и хоругвями вышло на соборную площадь, где выстроились ратники, собрались их родственники, дворяне, чиновники, горожане. На площади состоялся чин освящения знамени, после чего священник В.Духовской произнес наставление о важности и святости воинского стяга. Он подчеркнул, что знамя – это залог царской любви, святыня, слава, честь и жизнь для всех, кто служит Отечеству. Она должна и будет воодушевлять воинов на подвиг в бою с нечестивыми супостатами.

Далее священник напомнил слова полководца А.В.Суворова, призывавшего солдат бояться Бога, любить государя, помнить присягу, повиноваться начальству, драться с врагом храбро, что являлось непременным условием победы. По его словам, путь дружине, был указан самим Богом, воинское знамя следовало беречь больше жизни, и, вернувшись с победой, вернуть его отцу Отечества – государю. Ратники, отдав почести знамени, клялись не щадить себя. Далее состоялся молебен с коленопреклонением перед образом Покрова Божьей Матери. Соборный протоиерей Кардашевский произнес речь, духовенство благословило дружину. Офицеры взяли подаренные иконы, и участники торжества, в сопровождении толпы зрителей, отправились крестным ходом на Воскресенскую площадь. Иконы поместили в подготовленный для них фургон, а знамя отнесли на квартиру начальника дружины. Стол для офицеров, а также водка и закуска для ратников были подготовлены в доме городского головы Курдюмова.

13 июня состоялись застолья, организованные дворянством для офицеров и нижних чинов. Угощения были самые радушные. Тосты за здоровье государя вызвали громкие «Ура!» и пение гимна «Боже царя храни». Все встали и молились о здравии царя. По выражению автора репортажа, опубликованного в местной печати, минута была такова, что ее нельзя описать, но она была понятна каждому. Далее бокалы были подняты

¹ Русский инвалид. 1855. 17 июня.

за успех русского оружия, за дружину и за духовенство, благословившее ее на подвиг. После угощения начальник дружины позволил ратникам повеселиться. По замечанию курской печати, их веселые песни явно свидетельствовали, что они обладали высоким боевым духом. Прощаясь, ратники смотрели бодро, восхищенные дворяне бросали им деньги, давали своим крепостным наказ не шадить жизни. Ратники же отвечали: «не пожалеем крови за батюшку царя и за родимую землю»; – «не уважим басурманам, только бы до них добраться» и тому подобное...»

С окончанием прощальных церемоний ратники разошлись по квартирам, где выслушали последние напутственные слова от хозяев, у которых они располагались постоем. По выражению курской печати, каждый желал своим постояльцам «всего прекрасного». Автор репортажа отметил, что, выступив из города, дружина прошла селение Чаплищи, где ее встретили колокольным звоном, иконами и хоругвями. При переправе через реку Сейм ратников угощал водкой помещик В.К.Самойлов. На ночлег дружина остановилась в селе Клепалы, где ее также встречало духовенство. На другой день, когда дружина остановилась на дневку, ратников и офицеров радушно угощал владелец имения помещик А.Г.Гамалея. Местная печать отмечала, что священник В.Духовской провожал дружину до границ уезда, где снова напутствовал ратников и офицеров благословением от имени церкви и молитвами ко Всевышнему о подаче помощи в совершении подвигов, предначертанных императором.¹

Мы уже отмечали, что торжества в честь ополчения играли немалую роль. Местным властям, которые были их организаторами, следовало отчитаться о готовности ополчения не только перед вышестоящим руководством. Следовало показать населению, что набор ополчения прошел успешно и ни шум, возникший вокруг его набора, ни народные пожертвования не были напрасны. Однако не следует полагать, что праздники были нужны исключительно властям. Стечение массы зрителей на торжественные мероприятия свидетельствует, что публика также испытывала в них определенную потребность. На торжественные проводы стекались не только те, кто провожал на войну друзей и родственников. Жителям городов и деревень требовалось сформировать свое отношение к происходившим событиям. Для самоопределения была необходима информация. Торжества же в честь ополчения наиболее наглядно подтверждали, что страна сильна и способна одержать верх над врагом.

Нельзя отрицать, что торжественные церемонии были необходимы ратникам. Именно в дни торжеств их поступление на службу получало благословение церкви. Далее роль ополчения сводилась к прохождению торжественным маршем. Публика, стекавшаяся на торжества, без парада обойтись не могла. Хотя именно ратникам и офицерам ополчения по ходу торжеств формально принадлежала главная роль, им предназначались

¹ Курские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1855. 16 июля.

благословение и угощения, в праздниках были заинтересованы не столько они, сколько местные власти, а с ними городские и сельские обыватели. В соответствии с типичными установками своего времени жители столиц и регионов оценивали уровень подготовки воинских соединений, исходя из стройности рядов во время маршировки. Данные периодической печати позволяют судить, что внимание публики привлекали главным образом внешние признаки – блеск штыков, правильность перестроений, гордая осанка, молодцеватый вид «народных воинов».

Проводы дружин на войну, как и многие иные массовые мероприятия, связанные с формированием частей Государственного Подвижного ополчения, состоялись во всех уездах Империи. Не будет преувеличением отметить, что они прошли по близким сценариям. Похожесть торжественных церемоний этого плана дает основания полагать, что мировоззрение людей, живших в эпоху Крымской войны, в целом отличалось традиционализмом. Доминирующую роль в общественном сознании играли глубоко укоренившиеся стереотипы. Информация об обстановке на театре боевых действий, довольно редко поступавшая в регионы и подававшаяся в периодической печати весьма тенденциозно, не могла их поколебать. Традиционализм мировоззрения вызывал к жизни такие нормы поведения, которые были вполне привычными, повторяли, воспроизводили образцы, в полной мере отвечавшие тем нормам, которые в общественном мнении воспринимались как достойные.

Интересно, что многие авторы газетных репортажей, посвященных формированию ополчения, достаточно четко противопоставляли Россию «западу». Некий запад в их изложении представлял довольно отвлеченной и однозначно враждебной силой. Участие в массовых церемониях давало обывателям возможность ощутить свою причастность к общему великому делу защиты Отечества против сил запада. Притом и сам запад, и опасность, которую он представлял, воспринимались как абстрактные явления. Немало источников позволяют полагать, что военные победы начала второго десятилетия XIX в. сформировали в сознании жителей Российской империи устойчивый образ войны малой кровью против враждебного России запада. Официальные идейные установки тридцатилетней эпохи Николая I, последовавшей за правлением Александра I, консервировали односторонне победное понимание итогов наполеоновских войн, не оставляли возможности критически осмыслить былое.

С началом Крымской войны население регионов поступало в соответствии с общепринятыми и давно устоявшимися нормами. Их зарождение можно отнести к 1814-1815 гг., когда возвращавшиеся в Россию воинские соединения встречали как победителей. В их честь организовывали празднования, народные гуляния. Во второй четверти XIX в. подобное отношение к войскам, следовавшим через уезды и губернии, вошло в привычку. Воинские соединения повсюду чествовали не иначе как победителей. Такие образцы массовых действий постепенно укоренились настолько глубоко, что превратились в обычные нормы, вполне отвечавшие

официальным идейным установкам своей эпохи. Эти нормы оказались востребованы в 1855 г. Формирование ополчения вызывало к жизни образцы поведения, ставшие привычными. Власти и жители организовали в честь формирующихся дружин патриотические церемонии с благословениями, молебнами, парадами, застольями.

Нельзя не заметить, что на исходе второго года войны 1853-1856 гг. жители регионов пребывали в плену иллюзий. Понятно, что в губерниях и уездах практически никто не располагал информацией непосредственно с театра боевых действий. В силу цензурной политики рассматриваемой эпохи прессу отличала выдача желаемого за действительное, а если принять во внимание уровень грамотности населения, остается признать, что даже эти пристрастные сведения были известны немногим. Боевые действия представлялись городским и сельским обывателям чередой неких совершенно абстрактных событий, гремевших где-то в отдалении и не затрагивавших их собственных интересов. События войны воспринимались как нечто, не несущее прямой угрозы. В условиях отсутствия информации о реальном положении дел в сознании людей работал глубоко укоренившийся образ победы малой кровью на чужой территории. Война представлялась исключительно победной кампанией.

Вместе с тем, размах патриотических мероприятий не следует преувеличивать. Нельзя не заметить, что каждый ратник участвовал если не в одной, то не более чем в двух-трех церемониях. Для конкретного человека, участника или посетителя торжества, праздничная кампания была далеко не грандиозной. История торжественных проводов частей ополчения на Крымскую войну подтверждает, что изучение исторических явлений требует комплексного подхода к выбору объекта анализа. Рассматривая торжества, происшедшие в стране в целом, нельзя не прийти к выводу о том, что они были столь масштабными, что представляли собой едва ли не самое значимое событие в истории ополчения. Но если учесть, что для конкретного человека они были очень редким событием, вывод о грандиозном размахе праздничных мероприятий сделать нельзя. Лишь комплексный подход к выбору объекта изучения предоставляет возможность относительно адекватно оценить роль и значение событий прошлого.

Как уже отмечалось, из периодической печати можно вынести убеждение, что к лету 1855 г. части ополчения успешно завершили свое формирование и выступили в полной готовности. Тем временем, документы дружинных канцелярий, многие иные материалы свидетельствуют, что периодическая печать создает одностороннее представление о наборе ополчения. Газетные репортажи не дают оснований полагать, что его подразделения обладали многими недоработками. Для всесторонней оценки итогов их формирования недопустимо ограничиваться сведениями, опубликованными периодическими изданиями. Оценивая готовность дружин, необходимо детально рассмотреть те стороны процесса их формирования, которые не нашли отражения в прессе. Только приняв во внимание документы дружинных канцелярий, отчетные материалы,

воспоминания и письма людей, несших службу в ополчении, можно попытаться дать его набору разностороннюю и относительно взвешенную оценку.

За прошедшими в торжественной обстановке церемониями прощания с частями ополчения в регионы стали поступать известия о поражениях. В ночь с 27 на 28 августа 1855 г. русские войска были вынуждены оставить противнику южную сторону Севастополя. Падение города-порта перевернуло восприятие происходящего современниками Крымской войны. Оно послужило тем знаковым событием, рубежом, символом, который дезориентировал людей, вынудил их по-новому подойти к тем вопросам, ответы на которые были, казалось бы, давно известны. Хотя известия о военных неудачах были весьма непривычны для современников, поражение русской армии в Крыму не поколебало глубинные основания общественного сознания, не вызвало перемен в социальных нормах. Обычаи, которых придерживались жители России в середине XIX в., были довольно прочными. В поисках новых ориентиров люди продолжали придерживаться норм, типичных для эпохи, предшествующей Крымской войне.

В августе 1855 г. началось формирование ополчения второй и третьей очереди. Хотя основная работа по набору ратников и оснащению дружин развернулась осенью, уже после получения известий о поражении русской армии в Крыму, об отступлении из Севастополя, формирование ополчения снова сопровождалось праздничными торжествами. Документы свидетельствуют, что в уездах и губерниях, где формировались дружины второго и третьего призывов, хорошо представляли, какие массовые мероприятия сопровождали формирование ополчения первой очереди. Причем именно в их организации современники видели достойный пример, свидетельствующий о патриотическом подъеме, о готовности каждого оказать посильную помощь в победе над врагом. Руководство губерний, где проходил набор ополчения второго и третьего призывов, стремилось поступать по примеру своих предшественников и устраивало в честь вновь формируемых дружин массовые церемонии.

Так, 12 ноября 1855 г. исполняющий обязанности оренбургского гражданского губернатора Е.И.Барановский, сообщив челябинскому городскому голове В.А.Мотовилову о скором начале набора в дружины, отметил: «Вам известно из газет, до какой степени были приветливы и внимательны к ратникам жители всех тех губерний, в которых было ополчение; известно и то, как милостиво принято было такое усердие жителей к ополчениям его императорским величеством, и как много возвышается дух русского солдата, когда он, идя положить свою голову за родную землю, видит сочувствие к себе тех, кто его провожает на святой подвиг. Я вполне уверен, – отмечалось далее, – что жители Оренбургской губернии также понимают это... как и вся остальная Россия, и потому решил сообщить Вам по сему предмету мои мысли, в полной надежде, что

Ваш пример и совет найдет достойное подражание, и ратники будут также приласканы, как это было везде, и... конечно, всегда будет в России».¹

Ковалев Н.Д., Аронов Д.В.

ОПЫТ И УРОКИ УЧАСТИЯ РОССИИ В ВОЙНАХ XIX-XX вв. – КАК ОСНОВА ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Спор о месте и роли войны в истории человечества не утихает, наверное, с тех пор, как у общества появилась потребность в осознании базовых институтов, оказывающих влияние на развитие общества и основной формы его существования – государства. Не входя в сколь-нибудь даже не исчерпывающий, а хотя бы достаточно подробный историографический обзор данной проблематики (который вполне может выступать в качестве темы для самостоятельного научного исследования), отметим, что здесь излишни обе крайности. На наш взгляд непродуктивна и апологетика войны, как двигателя технического и /или общественного прогресса, как способа разрешения внутренних противоречий, так и полное отрицание ее влияния на динамику и темпы общественного развития, под предлогом ее морально-этической неприемлимости для современного общества, ориентированного на гуманитарные ценности современной цивилизации евро-атлантического типа.

Применительно к тематике данной статьи войну, на протяжении большей части истории можно рассматривать скорее как своеобразный критерий эффективности политического и социально-экономического развития государства. В теории цивилизационного развития А. Дж. Тойнби этот процесс можно охарактеризовать как способность социума адекватно отвечать на поступающие извне вызовы. Способность выдержать внешний вызов (в данном случае речь идет о вызове внезапных ударов от соседних обществ и вызове постоянного внешнего давления) это своеобразный источник развития общества, свидетельство его жизнеспособности. В данном случае речь идет не о формальном начале войны одной из сторон конфликта. Формальная правовая и военная сторона конфликта применительно к избранной нами теме не более чем внешние формы выражения данного процесса. Собственно об этом писал и сам А. Дж. Тойнби: «Оглядываясь назад, на историю последних пяти тысяч лет, я больше не считаю, что у какого бы то ни было правительства существовало когда-либо моральное оправдание, чтобы начать войну - даже с самыми чистыми целями. Я по-прежнему нахожу оправданным, а в некоторых случаях отношу даже в ранг моральных обязательств сопротивление агрессии (примером может служить сопротивление агрессии Германии, Японии и Италии во Второй мировой войне), но отныне я расцениваю даже «справедливую» войну в защиту своей

¹ ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 360. Л. 3.

собственной страны или какой-то другой страны как трагическую необходимость. А теперь я к тому же с опаской отношусь к подобным оценкам, потому что убедился на практике, что справедливость редко оказывается безусловной; что существуют войны (например, война во Вьетнаме), в которых обе страны заявляют - и более или менее верят в это, - что сопротивляются агрессору, а на деле оказывается так что либо одна из воюющих сторон, либо обе они фактически совершают агрессию, а не противостоят ей».¹

В том случае если внешний вызов оказывается сильнее, цивилизация может погибнуть, но в случае если она успешно отвечает на него возникает ситуация в которой общество в той или иной форме учитывает итоги войны при определении базовых направлений своего дальнейшего развития. В силу того, что войны являются разновидностью вызовов экстремальной силы, они нередко как в мировой, так и в отечественной истории выступали как стимулы к разработке модернизационных сценариев развития. Данные сценарии были призваны найти инновационные технологии в государственном строительстве, обеспечить достижение значимых для конкретного социума целей. Типологически подобные сценарии могут касаться преимущественно военно-технической стороны, но, как правило, затрагивают и социально-политические сферы. В случае если данные сценарии носят системный характер, охватывая важнейшие стороны жизни социума, то их можно охарактеризовать как системные модели, предлагаемые различными группами, как правило, генерирующими их посредством соответствующих политических институтов. Что также можно рассматривать в рамках общей теории А. Дж. Тойнби о наличии в обществе «творческого меньшинства».

Можно классифицировать воздействие вооруженных конфликтов на сценарии общественного развития и в зависимости от оценки их результатов социальными стратами управляющими данным социумом как удачные и неудачные. Еще раз подчеркнем, речь не идет о формальных итогах, о военной стороне вооруженного конфликта. Далеко не всегда для государства в целом достижение формально положительного результата боевых действий означает удачную (победоносную) войну с точки зрения ее влияния на направление будущего развития.

Весьма перспективно, на наш взгляд, оценивать место и роль вооруженных конфликтов в истории государства в контексте применения к истории конкретной страны понятийного и исследовательского аппарата синергетики. В этом случае решение исследовательской задачи может

¹ Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи. / пер. с англ. М.: Айрис-пресс, 2003. Ч. II. Людские дела на протяжении моей жизни. 3. Война: изменения в её характере и в отношении к ней людей. С. 191. Цит. по: Тойнби, Арнольд Джозеф // Википедия - свободная энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E9%ED%E1%E8,%C0%F0%ED%EE%EB%FC%E4_%C4%E6%EE%E7%E5%F4#cite_note-0 (Дата обращения 24.06.2012)

выглядеть и как определение вооруженного конфликта (и/или его последствий) либо как точку бифуркации, либо как малые (слабые) флуктуации, определяющие основные характеристики формирующегося послевоенного аттрактора развития страны. Данный исследовательский прием позволяет интегрировано использовать достижения частных направлений исторического знания – военной истории, истории науки и техники, государственного управления, персональной истории и т.п.

Еще одним, принципиальным на наш взгляд обстоятельством методологического свойства является то, что даже в случае удачного исхода вооруженного конфликта всегда существует опасность возникновения в государстве и обществе стагнационных процессов, ведущих к потере завоеванных позиций во внешней политике и степени общественной консолидации. Для России подобным примером может выступать участие в наполеоновских войнах, закончившихся формированием европейской международной организации универсального характера «Священного союза», строго говоря, выполнившего свою уставную задачу в подавлении антиправительственных (антимонархических) выступлений национального характера, сохранению статус-кво в Европе на протяжении практически сорока лет, иначе говоря, жизни двух поколений.¹ Однако формальное доминирование России в данном процессе привело к стагнации и внешней, и внутренней политики, усилившей потенциальное военно-техническое отставание страны от конкурентов на геополитической арене.

Общим результатом становится поражение России в Крымской войне (войне за турецкое наследство, Восточной войне) 1854-1855 (1853-1856) гг. предопределившее общий курс Александра II, на формирование сценария догоняющего модернизационного сценария развития («Великие реформы»). Прежде всего, с военной точки зрения, в них выделяются военные реформы Д.А. Милютин. Однако это лишь часть широкого комплекса преобразований, позволивших стране менее чем за двадцать лет вернуться в число перворазрядных военных держав, денонсировать Парижский договор, провести в целом удачную войну с Турецкой империей 1877-1878 гг., начать широкомасштабное присоединение феодальных государств Средней Азии.

Примером иного влияния проигранного вооруженного конфликта на сценарные планы общественного развития выступает русско-японская война 1904-1905 гг. Ее итоги были учтены собственно в ходе военного строительства, однако они не были подкреплены системными внутренними преобразованиями и после краткого периода реализации базовых положений Манифеста 17 октября 1905 г. историческая власть вновь взяла курс на возврат к авторитарной системе управления (фактический государственный переворот 3 июня 1907 г.). Консервативный сценарий государственной модернизации известный как «столыпинские реформы» так же не был

¹ Хронологические рамки 1815-1848 гг. включают в себя и события в Европе 1830 г., которые могут быть оценены как события несомненно революционные, стимулировавшие возрождение базовых идей «Священного союза».

завершен как по субъективным, так и по объективным причинам. Одним из факторов, предопределивших данный вариант развития событий стало вступление России в Первую мировую (Великую) войну 1914-1918 гг. (для России 1914-1917).

Военные успехи русской армии связанные с обеспечением стратегической устойчивости русско-германского фронта, даже, несмотря на значительные территориальные потери в ходе кампании 1915 г., а также достижением успехов стратегического и оперативного характера на русско-австрийском фронте, основанные на собственно военно-технических преобразованиях предвоенных лет, были утрачены в результате общего кризиса системы государственного управления. Революционные события 1917 г. стали, прежде всего, следствием отсутствия системного реформирования общественно-политического строя стран после кризиса 1905-1907 гг. усиленные перенапряжением народного хозяйства в ходе многолетней войны, исчерпавшей важнейшие мобилизационные ресурсы страны.

Типология последующих военных конфликтов XX в. носит несколько иной характер с точки зрения заявленных выше тезисов о взаимосвязи войн и реализации государством инновационно-модернизационных сценариев развития. Гражданская война на территории России (1918-1920 гг.) показала необходимость учета в военном строительстве изменяющегося характера вооруженных конфликтов глобального характера. После достаточно короткого периода революционного (псевдореволюционного?) романтизма в понимании влияния и взаимодействия войн и государственности на смену модернистско-доктринерским теориям трудовых армий, экспорта мировой революции,¹ территориально-милиционной системе комплектования вооруженных сил приходит классическая кадровая армия. Она опирается не только на собственно законы военного строительства, но выступает своеобразной квинтэссенцией всей пирамиды экономических и общественных институтов. Для соответствующего периода развития отечественной государственности тогда был избран их высококомобилизационный тип их развития.

Реализация данного сценария позволила построить систему принесшую победу как военную, так и политическую в ходе Второй мировой войны. Сразу хотелось бы отметить, что в данной статье не рассматривается проблема «цены победы» как для общества, так и государства в общеметодологическом понимании данного термина. Для научно корректного ответа на этот вопрос необходима серьезная дискуссия о собственно критериях общественного прогресса в целом.

¹ Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии / Сияла Родина моя Цит. по: Коган П.Д. Лирическое отступление // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной Войне. М.: "Советский Писатель", 1965 // Стихи.ру [Электронный ресурс] // URL: <http://www.stihi.ru/2011/05/10/2675> (Дата обращения: 25.06.2012)

Некритическая экстраполяция в прошлое современных институтов гуманитарного права дает весьма сомнительные с научной точки зрения результаты. А стремление к очередным упражнениям в этой области связаны скорее с наличием известной политической ангажированности исследователя и/или откровенного политического заказа, не имеющих ничего общего с объективным изучением военно-исторического прошлого.

Вместе с тем о цене победы можно и нужно говорить. Еще с эпохи Пунических войн между Римом и Карфагеном известны слова римского полководца Фабия Максима (Кунктатора). Он, услышав слова одного из центурионов о том, что можно пожертвовать немногими воинами ради занятия удобной позиции спросил его: «А не хотел бы ты оказаться в числе этих немногих?» Но, тем не менее, на наш взгляд данная проблема на настоящий момент остается дискуссионной.

Войны XX в., а, как представляется, особенно его второй половины, дали нам еще один тип вооруженного конфликта, связанный с ответом общества на глобальные вызовы современности. Если череда вооруженных конфликтов эпохи «холодной войны» во многом была следствием идеологического противостояния двух центров силы, то ввод советских войск в Афганистан вполне правомерно рассматривать как ответ вызов только формировавшейся в те годы и, осознанной многими лишь недавно, по прошествии десятилетий, угрозы со стороны радикального исламизма, , как следствие и мировогонаркотрафика. Тем более, что она выступает в неразрывной связи с проблемой производства и распространения наркотических веществ – еще одной угрозы, признаваемой сегодня глобальной.

И еще один немаловажный аспект поднятой проблематики. Изучение отечественного военного опыта крайне важно, но оно будет иметь наибольший эффект только в том случае, если в нашем обществе сохранится память об истории страны. При этом данная составляющая российской ментальности не превратится в рудиментарное образование, используемое как воспоминание о неких крайне далеких и, уже не влияющих на день сегодняшний, временах. Для народа, потерявшего историческую память, перестает существовать не только прошлое, но и будущее. И здесь наше великое военное прошлое дает немало замечательных возможностей не только сохранить и приумножить память российского народа о своей истории, но и учесть опыт военных конфликтов современности уже XXI в. при разработке сценариев модернизационного развития страны.

О том, что эта составляющая является элементом реальной политики России говорит использование базовых элементов данного подхода в предвыборных статьях Президента России В.В. Путина.¹ В них речь идет, по

¹ Путин В.В. Россия сосредотачивается - вызовы, на которые мы должны ответить // Российская газета. 2012. 16 янв.; Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета (Столичный выпуск). 2012. 20 февр.; Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февр.

сути, о новых вызовах России и о ее готовности и способности ответить на них, причем ответить не спонтанно, а на основе продуманного и просчитанного сценария развития.

Говор Елена

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, АНЗАКИ И ПИОНЕРЫ: К ИСТОРИИ РАННИХ КУРСКО-АВСТРАЛИЙСКИХ СВЯЗЕЙ

В ноябре 1925 года жители поселка Эль Ариш, под Иннифейлом на северо-востоке Австралии, хоронили своего героя. Звали его Джастин Джордж Гуляефф или, по-русски, Устин Георгиевич Гуляев, и был он уроженцем села Долгие Буды под Курском. Вокруг поселка Эль Ариш, названного так фронтовиками, вернувшимися в Австралию с фронтов первой мировой, как и вокруг его родного села, раскинулись поля, но здесь собирали урожай не зерна, сахарного тростника. Годы спустя, его сын Джордж рассказал мне о том страшном дне: «К несчастью, наш сосед в самый разгар летней жары оставил на своем участке выгорать несколько пней срубленных деревьев. Лес загорелся. Мой отец с другими фермерами бросился перехватить огонь, чтобы спасти урожай тростника на соседних фермах. И в этот момент на него свалилось горящее дерево, верхушка попала ему прямо в голову, и он умер на месте». Позади у Устина было три года боев на Западном фронте в качестве артиллериста в рядах Австралийской армии. Выжив в кровавой мясорубке войны, он пал смертью храбрых на земле далекой Австралии, которая стала его домом. «Он вступил в Австралийскую армию, потому что считал, что если страна стоит того, чтобы в ней поселиться, то она стоит и того, чтобы за нее сражаться», рассказывает Джордж, которому было всего шесть лет, когда погиб отец, и он вырос слушая рассказы соседей-фронтовиков о своем отце – добрую память о русском анзаке в окрестностях Эль Ариша сохранили надолго...¹

[1. Gooliaeff. Подпись:] Устин Гуляев в форме австралийского солдата (архив семьи Ринкевич, Австралия)

Называли Устина тогда, впрочем, не русским анзаком, а анзаком из России, и тут надо объяснить историю этого слова. Аббревиатура АНЗАК расшифровывается как Австрало-новозеландский армейский корпус, и анзаками во время первой мировой войны стали называть военнослужащих Австралийской армии. Но анзак это не просто термин военной номенклатуры, для австралийцев это понятие священное, такое же как для русских – фронтовик или, ныне, ветеран. Оно стало популярным в дни первых кровопролитных боев австралийцев в Галлиполи в апреле 1915 г. Тогда же начала слагаться «легенда анзаков», воспевающая стойкость и братство молодой австралийской нации. Вопреки официальной военной истории, которая исходила из постулата, что австралийская армия в годы

¹ George Gooliaeff, письмо 28.08.2001 // Архив Елены Говор, Канберра, Австралия; Killed by a tree. // Cairns Post. – 16.11.1925. – С. 8

первой мировой войны состояла почти исключительно из англосаксов, мое исследование выявило около тысячи уроженцев Российской Империи, воевавших в составе Австралийской армии, причем бывшие российские подданные составляли в ней самую большую национальную группу не англо-кельтского происхождения. Кроме этнических русских, в их число входили представители многих других народов, живших на территории Российской Империи. Термин «русские/российские анзаки» я ввела в книге «Российские анзаки в австралийской истории», представив их историю как просопографию – коллективную биографию.¹

Были среди российских анзаков и несколько уроженцев Курской губернии. Из этой «сухопутной» губернии эмигрантов в Австралии было не так уж много, но тем не менее и до ее берегов добирались куряне. И хотя работа над полной базой данных российских эмигрантов в Австралии, которая позволит найти их всех, еще не завершена, уже сейчас можно очертить основные моменты ранней эмиграции из Курской губернии в Австралию, ранние курско-австралийские связи, и, через призму судеб австралийских уроженцев Курска, познакомиться с различными аспектами истории российской эмиграции в Австралии. Это облегчается тем, что политика Австралии в области своих информационных ресурсов повернута лицом к судьбе «маленького» человека. Это и неудивительно, поскольку в этой стране осознают, что значительный процент нынешних пользователей архивов и библиотек составляют люди, занимающиеся историей своих семей, и всячески приветствуют это интерес. Национальный архив Австралии ведет планомерную оцифровку своей документации биографического характера, таких как иммиграционные досье, дела о натурализации, личные досье военнослужащих, документы служб безопасности, относящихся к концу XIX – первой половине XX века. Это все доступно читателям бесплатно через вебсайт архива. Другие учреждения создают доступные читателям базы данных пассажирских списков, австралийских ЗАГСов, списков избирателей, захоронений и т. п. И, наконец, Национальная библиотека Австралии оцифровала значительное количество австралийских газет XIX – первой половины XX века. Одним словом, теперь с большой долей уверенности можно сказать, что если человек столетие назад жил в Австралии, его судьбу можно проследить за считанные минуты, сидя у экрана компьютера.

Курско-австралийские связи уходят в прошлое более чем на два столетия, когда в 1804 году курский титулярный советник Семен Зубков опубликовал в Курске свое оригинальное исследование с затейливым названием «Краткое историческое обозрение открытия островов португальцами, испанцами, англичанами, голландцами и французами, лежащих в пространнейшем океане, сопредельном Азии и Америке,

¹ Elena Govor, *Russian Anzacs in Australian History*. – Sydney: UNSW Press & NAA, 2005. – 310 с. Книгу сопровождает вебсайт, где каждому анзаку посвящена отдельная страница с ссылками к австралийским архивным документам, газетным статьям, воспоминаниям и т.п.

составляющих пятую часть земного шара, которая от новейших географов называется Полинезией, Австралией и Южной Индией». Австралией или Полинезией в то время называли современную Океанию, а сам материк Австралии носил название Новая Голландия. Поводом к этой работе Зубкова послужила экспедиция Крузенштерна, отправившаяся в 1803 году в Тихий океан. Зубков выражал надежду, что «российский флаг проникнет в пределы Полинезии» и адресовал свое сочинение «для пользы российского юношества, которому пространные сочинения весьма бывают скучны и почти бесполезны».¹ С сожалением, задуманное им продолжение труда с описанием каждого острова, в том числе и Австралии, не было опубликовано, а судьба этого замечательного курянина ждет еще своего исследователя. Первые упоминания о Курске появились в австралийских газетах во время Крымской войны, в связи с тем, что в эти края отправлялись британские военнопленные. Писали австралийские газеты и об открытии железнодорожной линии Курск-Москва в 1868 г.²

Одним из первых курских эмигрантов в Австралии был Алексей Щеголев, родившийся в Курске в 1859 г. По-английски он писал свое имя как Alexis Theodore Shegoleff и можно было бы предположить, что отца его звали Федор, однако в свидетельстве о смерти отец его записан как Alexis. Алексей приехал в Австралию в 1884 г. из Порт-Саида и поселился в Сиднее, работая агентом по продаже швейных машин. Россиян, а тем более этнических русских, в то время в Сиднее были единицы, и судьба каждого из них была неординарна. Любопытно отметить, что как раз в это время в Сиднее обосновался и завел семью наш путешественник Николай Миклухо-Маклай, но сведений о его контактах с Щеголевым не имеется. Те немногие материалы, что удалось найти о Алексее Щеголеве в австралийских архивах и газетах, косвенно свидетельствуют, что это был человек образованный – об этом говорит его почерк и элегантная подпись в документах о натурализации – и состоятельный. Свидетельство этому – подробная опись украденных у него золотых украшений, которая появилась в 1900 в сиднейской «Полицейской газете». Среди украденных вещей был «саржевый костюм джентльмена» и обручальное кольцо с выгравированной датой «1881» – очевидно в брак он вступил незадолго до отъезда в Австралию и жил в Сиднее с своей женой Евгенией Николаевной; детей у них не было. Сведений о каких-либо связях их с русской общиной Сиднея, которая начала складываться в 1908 году, не имеется, и тайну своего отъезда в далекую Австралию они унесли с собой в могилу – Евгения умерла в 1909 году, Алексей, вслед за ней, год спустя.³

¹ С. 139, 5.

² См. напр. Russia // *The South Australian Register*. – 26.05.1855.

³ Alexis Theodore Shegoleff – Naturalization // National Archives of Australia (в дальнейшем – NAA), A1, 1908/1641; Burglaries // *New South Wales Police Gazette*. – 14.02.1900; Family notes // *Sydney Morning Herald*. – 4.03.1909. – С. 12.

[2. Shegoleff. Подпись:] Страница из натурализационного досье
Алексея Щеголева (NAA, A1, 1908/1641)

Массовая эмиграция в Австралию из России началась уже в XX веке, лет за пять до первой мировой войны. В этот период сюда въезжали от 700 до 1000 уроженцев России ежегодно, в основном русские и украинцы. Большинство ехало через Дальний Восток, Маньчжурию и Японию, другой поток шел через европейские порты. Они приезжали в Сибирь и на Дальний Восток в результате переселенческой политики правительства или на заработки, например на прииски или на строительство Транссибирской железной дороги. Некоторые осели здесь после русско-японской войны. Многие были готовы попытать счастья еще раз и отправиться за океан – в Америку, на Гавайи, в Австралию. Были и такие, кто бежал из сибирской ссылки или опасался ареста после участия в революционном движении во время первой русской революции 1905-1907 гг. Иммиграционные агенты зазывали их на свои корабли и сулили золотые горы. Эти российские эмигранты обычно ехали до первого большого порта – Брисбена в штате Квинсленд.

Среди них мы находим около двух десятков уроженцев Курской губернии. В большинстве документов они в графе место рождения просто писали «Курск», не вдаваясь в подробности о конкретном селе или деревне, однако в ряде случаев место рождения удается уточнить. Так, Федор Сергеев (большевик Артем) родился в Глебово Фатежского уезда, уже знакомый нам Устин Гуляев был из Долгих Буд Обоянского уезда, Василий Рыбенков из Щигров, Евгений Захаров из Грайворонска, Макар Марков из Мелихова Белгородского уезда, а Платон Долженко (Долженков) из деревни Ханок. Все они въехали в Австралию между 1910 и 1914 гг. будучи в возрасте от 20 до 35 лет.

По социальному происхождению большинство из них были крестьянами или рабочими, однако тот факт, что они добрались до Австралии, свидетельствует о том, что они принадлежали к активной страте общества, и в юности покинули свои родные места, отправившись на заработки, на учебу, или переселились в Сибирь. Так Феодосий Васильевич Лавров и его жена Мария родились в Курске, а их дети в Томске, первой остановке на пути их миграции.¹ Михаил Владимирович Иванов до эмиграции в Австралию в 1913 г. год провел в Японии, а затем два года – в Китае.² Сын Устина Гуляева писал: «Насколько я знаю, мой отец был единственным ребенком, и его родители были состоятельными людьми. Очевидно мой дед, его отец, был лесоторговцем довольно крупного масштаба, и для начального образования моему отцу брали домашнего учителя, одного из местных священников. Мне говорили, что мой отец год проучился в Московском университете, но затем решил отправиться

¹ T. Theodosius Lavroff Naturalization // NAA, A1, 1921/18764

² Evans, Jack (John) formerly known as Ivanoff, M – Naturalization certificate // NAA, A1, 1925/25267

«посмотреть мир» и в конце концов оказался в Австралии».¹ Некоторые из них имели специальность. Например, муж Домны Гременок, Прокофий, был слесарем. Он родился в Черниговской губернии, а его жена была из Курска. В полицейском донесении в связи с его натурализацией отмечалось, что в России он получил хорошее образование.² О жене Платона Долженкова, Ефросинье, полицейский при регистрации счел нужным сделать специальную пометку: «Эта женщина может читать и писать и неплохо говорит по-английски» – случай довольно редкий для женщин того времени.³

Поскольку Курская губерния далеко отстояла от российских портов, моряков среди этих ранних эмигрантов было не много. Одним из них был Макар Николаевич Марков, который начал свои странствия в 1912 г., в 16-летнем возрасте, поступив на кочегаром на корабль, идущий в Англию в 1912 году; до Австралии он добрался накануне войны.

Работа доступная русским, которые приезжали в Австралию обычно не зная английского языка, сводилась к тяжелому физическому труду. Однако несколько человек, например, Прокофий Гременок и Александр Боровин, смогли устроиться в Мельбурне по специальности как слесари и механики, Василий Рыбенков всю жизнь работал плотником в Брисбене. Остальные – как и многие другие иммигранты, – кочевали по Австралии в поисках сезонной, временной работы, подражаясь на рубку сахарного тростника в северном Квинсленде, на строительство железных дорог, скотобойни и шахты. Так, передвижения Михаила Владимирович Иванова, прибывшего в Австралию с Дальнего Востока, можно восстановить по данным в его заявке на натурализацию. Высадившись на острове Четверга у северной оконечности Квинсленда, он год проработал на плантациях сахарного тростника в Бундаберге, два года – в Тарзали (вероятно на строительстве железной дороги), в 1916 г. он перебрался на малоосвоенную тропическую Северную территорию, в Дарвин, где работал на строительстве железной дороги и на скотобойне. Проведя полгода в Брисбене, и так и не устроившись там, он подался в южные районы страны – год работал в Порт-Пири на медеплавильном комбинате, а затем в Мельбурне чернорабочим в электрической компании.⁴ Подобным же образом кочевал по Квинсленду и Северной территории Феодосий Лавров, осевший в конечном итоге на постоянной работе на скотобойне под Таунсвиллом. Платон Долженков рубил тростник и работал на шахтах в северном Квинсленде, в 1922 г. поселившись в городке Меган в Новом Южном Уэльсе. На строительстве железных дорог в Квинсленде работал и Артем, а затем, обосновавшись в Брисбене, он стал портовым грузчиком.

А вот судьба грайворонца Евгения Петровича Захарова была необычной. Человек образованный, он имел богатый опыт работы в

¹ George Gooliaeff, письмо 28.08.2001.

² Gremenock, P I – Naturalisation // NAA, A659, 1940/1/3493.

³ DOLZHENKOFF, Efrosinia... // NAA, BP4/3, RUSSIAN DOLZHENKOFF E

⁴ Evans, Jack // Op. cit.

Туркестане и в странах Среднего Востока, в австралийских газетах его именовали то сельскохозяйственным экспертом, то геологом, то доктором, то профессором. В Дарвин на Северной территории он приехал в начале 1914 г. из Персии и активно включился в исследование возможных путей освоения этой огромной малонаселенной территории. Уже несколько месяцев спустя появились сообщения, что он собирается исследовать возможности культивации риса, табака и хлопка, создав, вместе с американским и австралийским предпринимателями, сельскохозяйственную компанию. Его деятельность на экспериментальных правительственных фермах Бэчелор и Дейли ривер закончилась неудачей, и вскоре в местных газетах стали появляться его мастерски написанные письма-очерки, исследующие причины, тормозящие развитие сельского хозяйства на Северной территории; критика администрации была одной из главных тем его полемики.¹ Его активная жизненная позиция, полемический задор и критика властей наводили на мысль, что он мог принадлежать к числу политических эмигрантов, и действительно в газете «Рабочая жизнь», выходившей на русском языке в Брисбене, удалось обнаружить многочисленные упоминания о Захарове, который одно время был даже секретарем Пайн-Крикского отделения Союза российских рабочих на Северной территории.²

[3.Artem. Подпись:] Федор Сергеев (Артем)

Самым известным среди политических эмигрантов был легендарный большевик-ленинец Федор Андреевич Сергеев (партийная кличка «Товарищ Артем»). Он родился в 1883 г. в селе Глебово Фатежского уезда Курской губернии и трагически погиб недалеко от своей родины, на 104 версте Курской железной дороги, во время испытания аэропоезда в 1921 году. В 1910 г. он бежал из сибирской ссылки, в 1911 г. добрался до Австралии и вернулся в Россию вскоре после февральской революции. Судьба Артема – интересный феномен советской историографии. Его близкое знакомство с Лениным и приверженность большевистской линии партии способствовали созданию иконописного образа революционера, рыцаря без страха и упрека, а ранняя смерть уберегла его от сталинских репрессий и превращения в орвелловское «нелицо». Более того, его сын Артем, родившийся за несколько месяцев до его смерти, стал приемным сыном Сталина. Все это способствовало небывалой популярности Артема в СССР – выходили сборники его работ, о нем писались книги и романы, защищались диссертации, ставились пьесы, в честь него возводились памятники, его именем назывались улицы, шахты и населенные пункты. Сказалось это и на историографии российской эмиграции в Австралии. Поскольку все другие лидеры ее были репрессированы в сталинские годы или, хоть и были революционерами, принадлежали «не к тем» партиям, или были «не той»

¹ News and Notes // *Northern Territory Times and Gazette*, Darwin. – 2.07.1914. – С. 13; E. Zakharow, To the editor // *Ibid.* – 15.07.1915. – С. 8, 9; 9.09.1915. – С. 6; E. Zakharow, Cotton industry // *Ibid.* – 10.09.1921. – С. 4.

² *Рабочая жизнь*, Брисбен. – 1916, № 7, 12, 22, 27, 31, 37.

национальности, их деятельность практически оставалась неизвестной в Советском Союзе, в то время как Артем выступал единственным лидером россиян в Австралии – создателем Союза русских эмигрантов, учредителем и издателем газеты «Эхо Австралии» и ее преемниц, и в целом «объединителем и вдохновителем». В действительности картина была гораздо многограннее, рядом с Артемом работали такие неординарные личности как Александр Зузенко, Герман Быков, Константин Ключин, Иван Кук-Калнин, Борис Таранов-Сквирский, Петр Уткин. В то время как о них в австралийских архивах хранятся многочисленные документы, Артем, не смотря на всю свою революционную деятельность, практически там не «засветился».

Более того, австралийские власти относились к нему с такой симпатией, что в 1916 году он единственный из всех русских был натурализован в Австралии как британский подданный. Дело в том, что с началом первой мировой войны австралийские власти приняли решение отказывать в натурализации всем россиянам моложе 50 лет. Эта мера, надеялись австралийцы с подачи российского консула, подвигнет их вступить в армию. Австралийская армия была добровольной, и россиян принимали в нее и без натурализации. Подав прошение о натурализации в феврале 1916 г., Артем-Сергеев получил стандартный отказ. В ответ он отправил властям следующее письмо (публикуется впервые в переводе автора)

9 марта 1916 г.

Куперс Плейнс, Брисбен

В Министерство иностранных дел
Мельбурн

Сэр,

В связи с вашим ответом мне за № 16/5086 относительно правил натурализации русских, я имею честь привлечь Ваше внимание к тому факту, что, согласно газетным сообщениям, правила, на которые вы ссылаетесь, были отменены; кроме того, я не думаю, что эти правила в какой бы то ни было мере относятся к моему случаю. Дело в том, что у меня нет никаких обязательств касательно военной службы в России. Как ссыльному в Сибирь, мне запрещено законодательством поступать на военную службу в любое время при любых обстоятельствах. Кроме того в России я лишен всех гражданских прав и никоим образом не могу туда вернуться. Причина такого сурового наказания и пожизненной высылки в Сибирь состояла в моем собственном признании, что я принадлежу Российской социал-демократической рабочей партии. Принимая во внимание эти обстоятельства моего случая, которые могут быть подтверждены российскими консулами в Австралии, я надеюсь, что вы подойдете к рассмотрению моего прошения более благоприятно.

Я остаюсь вашим покорным слугой

Теодор Сергеев

Письмо Сергеева вызвало внутреннюю переписку сотрудников министерства с комментариями: «это интересное заявление и в своем роде уникальное», «случай кажется исключительным», «подать министру для решения». Полицейский посетил Сергеева в его доме в Куперс Плейнс под Брисбеном и, в результате интервью с ним, обрисовал его в самом доброжелательном ключе: «Податель прошения хорошо говорит и пишет по-английски. Он прилежный труженик, уважаемый всеми соседями». Выяснилось также, что Сергеев стал собственником, купив участок земли размером в 6 акров. Не вызвал особых нареканий даже тот факт, что в прошении Сергеев заявил о том, что он женат, в то время, как выяснил полицейский, подругой его была замужняя женщина Минни Андерсон, муж которой находился уже на протяжении семи лет в госпитале.¹ Хотя де-факто браки в то время не приветствовались, объяснение Сергеева о том, что по отношению к Минни он взял на себя обязательства мужа и всегда представляет ее как свою жену, как кажется удовлетворили власти. По воспоминаниям современников он заботился и о Лили, маленькой больной дочери Минни.² Итак, уже в июне 1916 г. он стал полноправным подданным британской короны. Сергеев не был лишен британского подданства и после того, как он покинул Австралию в 1917 году, его имя и имя его жены (Theodore and Minnie Sergaeff) продолжало фигурировать в списках избирателей Брисбена вплоть до 1925 года.

Кроме Артема было еще несколько политических эмигрантов из Курска, о которых сохранились скудные сведения. Например, Александр Боровин (в австралийских документах фамилия писалась как Боривин), работавший в Мельбурне механиком, в 1915 г. дал объявление в местной газете о проведении танцевального вечера, доход от которого должен был идти «на помощь борцам за свободу в России». Это была одна из форм деятельности общества помощи политическим ссыльным и каторжанам, секретарем которого он был. Его имя, в связи с деятельностью этого общества, упоминается и в сохранившихся номерах русской газеты «Известия Союза русских эмигрантов», выходившей в Брисбене. В следующем году в русской газете, появляется объявление Боровина о продаже словаря и самоучителя английского языка и вскоре мы находим его среди пассажиров корабля, отправляющегося из Мельбурна на Дальний Восток.³ Как сложилась его судьба дальше, пока не известно.

Когда в августе 1914 года началась мировая война, Россия оказалась главным союзником Великобритании и Австралии. Хотя в Австралии служба в армии была добровольной, россияне, живущие на ее территории, в

¹ Theodore Andrew Sergaeff – Naturalization // NAA, A1, 1916/7408.

² Ю. Семенов. Отметить день белым камешком // На «козле» за волком: записки. – М.: «Советский писатель». 1974.

³ *The Argus*, Melbourne. – 30.10.1915, *Известия союза русских эмигрантов*, Брисбен. – 1915, № 60-62; *Рабочая жизнь*, Брисбен. – 1916, № 42

соответствии с указаниями российского консула Александра Абазы, были объявлены военнообязанными и должны были вступать в австралийскую армию. Но был и другой фактор – голод. Им все труднее становилось получать работу и часто именно это и заставляло их надевать военную форму. А у некоторых еще была и надежда – когда война окончится, добраться до родины. Макар Марков, моряк из Курска, работавший в Австралии шахтером, вступил в армию в 1915 г. и служил в артиллерийской бригаде на Западном фронте в качестве погонщика лошадей – для перевозки артиллерийского оборудования и снарядов в то время в армии использовали гужевой транспорт.¹ Его земляк Устин Гуляев, вступивший в армию в 1916 г. вместе с другими русскими в Рокхэмптоне, на севере Квинсленда, тоже попал в артиллерийскую бригаду, но, очевидно его предыдущее университетское образование позволило ему получить более престижную должность артиллериста.² В 1917 г. в армию вступил и Василий Рыбенков, однако на фронт не был отправлен.³ В армию пытались вступить, но были отвергнуты Антон Синеупов, Прокофий Гременок, Константин Воробьев.

В это время Союз российских рабочих, в духе большевистских установок, занял антивоенную позицию, официально осуждая членов Союза, вступивших в Австралийскую армию. Артем и его соратники в ряде публикаций пропагандировали свои взгляды, в частности вели кампанию против обязательного призыва в армию, возможность которого в это время дебатировалась в Австралии.⁴ Взносы в такой «анти-призывный» фонд делали, например, Платон Долженков и его жена Ефросинья.⁵

[4. Markoff. Подпись:] Страница из служебного досье Макара Маркова (NAA, B2455)

Положение русских эмигрантов и в армии, и – шире – в Австралии во многом определялось политическими событиями в далекой России и отношению к ним австралийцев. Русские анзаки, возвращаясь в Австралию с войны, попадали прямо в бурю, вызванную недавней русской революцией и радикальными идеями в целом. Они должны были выбирать, на чьей стороне им быть; иногда им приходилось сводить счеты даже между собой. В мае 1919 г. сиднейская газета «Сан» сообщала, что два бывших солдата «Макар Марков и Роман Илупмаги, попавшие сюда из страны, которой когда-то правил царь, сводили счеты между собой посредством кулаков на улице Джордж, когда к ним подошел сержант Шекспир и “сунул палец в пирог”». В полицейском суде Илупмаги сказал, что он приехал из Прибалтики. «Это откуда появились большевики?», – спросили его, на что он ответил: «Из-за этого у нас и был спор. Марков спросил меня, почему я не говорю по-русски. Я сказал, что предпочитаю говорить по-английски, вот тогда мы и

¹ MARKOFF Makar... // NAA, B2455.

² Gooliaeff Justin George... // NAA, B2455

³ The call for men. – *Brisbane courier*, 25.04.1917, p.8.

⁴ См. напр. статьи Артема: Еще о мифах // Известия Союза русских рабочих. – 1916, № 11, Защита страны // Рабочая жизнь. – 1916, № 9, 30.

⁵ Рабочая жизнь. – 1916, № 36.

подрались». Полиция оштрафовала их обоих на один фунт за хулиганство.¹ Илупмаги, кузнец по профессии, прослужил в армии от Галлиполи почти до самого конца войны, когда он был ранен; после демобилизации он остался в Австралии и говорил по-английски, и для него это был вопрос не только языка, но, очевидно, самой жизненной позиции.

Марков, напротив, сочувствовал событиям в революционной России и власти вполне обоснованно подозревали его в приверженности большевизму. Некоторое время после демобилизации он оставался в Сиднее, посещая каждое воскресенье Домейн, где ораторы состязались в политических речах. Его отец, крестьянин из Мелихово в Курской губернии, в это время разыскивал своего сына. Его прошение дошло до Уинстона Черчилля и офиса австралийского премьер-министра, и Макар наконец-то вернулся в Россию, навстречу неведомому будущему.² Там он некоторое время получал австралийскую военную пенсию через британское посольство, в 1937 году она была приостановлена. Когда дипломатические отношения между Австралией и Советским Союзом были установлены в 1942 году, австралийские власти предприняли безуспешные попытки по розыску Маркова. Вполне вероятно, что он, как и несколько других анзаков, вернувшихся в СССР, был репрессирован. В базе данных общества «Мемориал» есть сведения о Макаре Николаевиче Маркове, арестованном в Москве, год рождения которого совпадает с нашим героем, но, поскольку фамилия эта распространенная, нужны дополнительные исследования и это тема моего нового проекта «Из Австралии в ГУЛАГ».

Марков был не первым, покинувшим Австралию и вернувшимся в революционную Россию. Массовое возвращение политэмигрантов в Россию началось вскоре после февральской революции, на первых порах оно финансировалось временным правительством. Артем покинул Австралию одним из первых, навсегда расставшись со своей женой Минни и ее дочерью. В отчетах цензоров сохранились его письма Минни и маленькой Лили, написанные в конце 1917 – начале 1918 гг. из революционной России. Кроме Артема в это время вернулся в Россию Василий Толстошеев, успевший поработать в Квинсленде, на Северной Территории, в Сиднее и Мельбурне; он был активным членом Союза русских рабочих и его имя часто упоминалось в австралийских русских газетах.³ Тогда же Парамон Ерохин, работавший на рубке сахарного тростника в Коринде в Квинсленде, исчезает из австралийских документов, и можно предположить, что он также вернулся на родину сразу после февральской революции.⁴

Вскоре после Октябрьской революции Австралия запретила выезд русских, опасаясь, что они будут поддерживать большевиков. В то же время,

¹ Russians fight. Why not a Bolshevik? // *Sun* (Sydney). – 7.05.1919

² Makar Nikolaievitch Markoff // NAA: SP43/2, N59/21/590; MARKOFF Makar... // NAA, B2455

³ *Известия союза русских эмигрантов*. -1915, № 93, 93; *Рабочая жизнь*. – 1916, № 2, 12, 29, 31, 35.

⁴ Ierochin, Paramon... // NAA, BP4/3, RUSSIAN IEROCHIN P; JEROCHIN, Paramon – Nationality: Russian // NAA, BP313/1, JEROCHIN P.

как мы видели в случае с Артемом, им отказывали в правах австралийского гражданства, без которого было невозможно купить землю, а часто и найти хорошую работу. Эти ограничения стали одной из причин выступления русских жителей Брисбена под запрещенными красными флагами в марте 1919 года с требованием разрешить им вернуться на родину. В ответ австралийские демобилизованные солдаты разгромили русский квартал в Брисбене. События этих дней вошли в австралийскую историю как Бунты красного флага. Это усилило стремление россиян покинуть Австралию. Среди них был и Платон Долженков с матерью, который, как и многие его соотечественники, обратился к советскому, непризнанному Австралией, консулу Петру Симонову с просьбой о репатриации в 1919 г. Его русская жена Ефросинья оказалась настолько самостоятельной, что в это время покинула его вместе с их сыном Виталием и отправилась жить в Новую Зеландию. Платон остался в Австралии и натурализовался в 1923 г., включив их в сертификат и надеясь, что они к нему вернуться.¹ Как сложилась их жизнь после этого, выяснить пока не удалось.

В 1920 г., как только русских стали выпускать из Австралии, на Дальний Восток отправился Василий Полянский, который, работая на строительстве железной дороги на Северной территории, тоже вступил в Союз российских рабочих.² Василий Рыбенков в том же году отправился в Европу, в начале следующего года за ним последовала его жена Ксения с их 7-летней дочерью. Надо полагать, что они благополучно съездили в Россию, повидали своих близких и вернулись в Австралию, т.к. в 1929 г. Василий пишет заявление, что он потерял свое свидетельство о натурализации и снова собирается отправиться за границу. После этого он исчезает из австралийских документов. Вполне возможно, что он осуществил свой план, но уже не смог вернуться в Австралию, в то время как его жена и дочь остались в Австралии. Во второй половине 1921 года на родину «повидать родителей», съездил Михаил Иванов. В 1920-1922 гг. съездили на Дальний Восток, повидать родных и Прокофий и Домна Гременок. Анастасия Шейлова из Сиднея покинула Австралию в 1921 г.

[5.Gooliaeff. Подпись:] Устин Гуляев с женой Вайолет (архив семьи)

Но среди уроженцев Курской губернии были и такие, кто предпочитал жизнь по-австралийски. Именно такова была позиция Устина Гуляева. Еще в армии он подружился со своими австралийскими сослуживцами. «Во время войны его хотели послать в школу для офицерского состава из-за его образованности и знания языков, – рассказывает его сын, – но он отказался, потому что ему пришлось бы тогда расстаться со своими товарищами».³ Боевое товарищество (*mateship*) было одним из краеугольных камней формирующегося самосознания молодой австралийской нации. Русским, с их

¹ Dolzhenkoff, Platon – Naturalisation // NAA, A1, 1923/22802.

² Рабочая жизнь. – 1916, № 2, 14, 22, 27, 37.

³ George Gooliaeff, интервью, 6.09.2001 // Архив Елены Говор.

слабым знанием английского языка, с их радикализмом большевистской ориентации в мирной жизни часто не удавалось преодолеть стену ксенофобии, разделявшую их и австралийцев. В боевой обстановке барьеры часто рушились и взаимоотношения Гуляева со своими австралийскими сослуживцами свидетельствует как раз об этом. По иронии судьбы Устина и еще несколько русских досрочно уволили из армии «вследствие русской национальности» после выхода России из войны в начале 1918 г. В это время как раз Устин и встретил свою будущую жену-англичанку. «Мой отец был ранен, и его отправили в Англию, – рассказывает Джордж, – а моя мать перевозила его на скорой помощи, она только что вышла из монастыря... Так они и встретились». Вскоре после рождения их сына Виктория отправилась вслед за демобилизованным Устином в далекую Австралию. «Отец был профессиональным столяром, но он считал, что мужчина должен делать мужскую работу, и поэтому он взял ферму, – продолжает Джордж. – Он выбрал участок в солдатском поселении Эль Ариш, в северном Квинсленде. ... Как все ветераны, мой отец получил участок скрэба (собственно говоря, это были джунгли) и заем в 600 фунтов с обязательством построить дом и с правом выращивать сахарный тростник в определенном количестве. Поскольку земля сразу дохода не давала, а ему нужны были деньги для создания фермы и для содержания семьи, мой отец нанимался на рубку тростника под Иннисфейлом – изнурительная, каторжная работа, – а каждый вечер в пятницу он шел пешком 20 миль на свой участок, проводил выходные, работая на нем, а к понедельнику возвращался в Иннисфейл на рубку тростника. Когда отец немного расчистил свой участок и построил там дом, моя мать со мной и новорожденной сестрой смогла наконец-то переехать к нему из Брисбена».¹ Устин жил и погиб, помогая своим соседям, как австралийский герой, принявший Австралию, как свое новое отечество.

Но у такого перехода была и своя обратная сторона. Джордж, например, даже не знал откуда родом был его отец, полагая, что он родился где-то у финской границы. Процесс ассимиляции шел разными путями. Начинаясь он часто с изменении имени на английский лад. Например, Михаил Иванов при натурализации взял имя Джек Эванс, именно так он проходил в списках избирателей, и только в его свидетельстве о смерти его друзья указали его русское имя. Иногда имя так коверкали, что теперь невозможно даже догадаться, каким было русское имя. Например, Антон Нестерович Синенпов (Sinempoff) натурализовался, умирая в госпитале под Мельбурном от костного туберкулеза, именно под этой фамилией. В пассажирских списках его имя было записано как Geneipoff, сам он, похоже, расписывался Sineupoff, так что о подлинном его имени можно только гадать.² Домна Гременок в ряде австралийских документов фигурировала как Демми.

¹ Gooliaeff, письмо 28.08.2001

² Sinempoff, A – Naturalisation // NAA, A1,

Несколько иммигрантов приехали сюда с русскими женами, такие семьи обычно тяготели к поддержанию русской общинной жизни. Так, Паша, дочь Прокофия и Домны Гременок, вышла замуж за русского, однако уже их внуков – Вальтера и Люси – звали на английский лад. Брак с австралийками, конечно, способствовал ассимиляции, но русским эмигрантам зачастую не просто было найти себе пару. Джек Эванс, после натурализации в 1925 г., собирался жениться на австралийской женщине, однако он так и не женился и жил до самой смерти у своих русских друзей Петрушенья. Феодосий Лавров приехал в Австралию на заработки, оставив жену и сыновей в России. Так делали многие иммигранты, «выписывавшие» семья только после того, как устроились сами. Семья Лаврова не успела приехать к нему до начала войны, потом Австралия и Россия оказались надолго отрезаны друг от друга. В 1921 году он натурализовался включив их в натурализацию, очевидно все еще надеясь, что они смогут приехать к нему. Они не приехали и Феодосий так и остался одиноким. Без семьи прожил свою жизнь в городках северного Квинсленда и Алекс Альфонсо (Афанасьевич?) Петров. Не женился и Константин Воробьев, который первоначально работал на Северной территории, а ко времени второй мировой войны перебрался в Таунсвилл в Квинсленде и работал на мясокомбинате. Он решил не натурализоваться в Австралии и продолжал регистрироваться как иностранец до 1950-х годов.¹

[6.Worobieff. Подпись:] Регистрация иностранного подданного Константина Воробьева (NAA, BP25/1)

Политические симпатии Евгения Петровича Захарова, сельскохозяйственного эксперта с Северной территории, не подвигли его вернуться на родину после революции, он остался в Дарвине, на Северной территории. Однако его неугомонная натура не позволяла ему сидеть на месте. Не получив желаемых успехов в сфере сельскохозяйственного предпринимательства, в 1922 г. он обратился к новому полю деятельности, фигурируя теперь в газетах как «русский геолог». Обнаружив нефть на острове Элко, у побережья Арнемленд на севере Австралии, он стал управляющим нефтяной компании, поселившись на острове Элко, устанавливая буровое оборудование и проводя геологическую разведку на соседних островах.² Места это были дикие, населенные аборигенами племени галивинку, которые до сих пор сохраняют традиционный уклад жизни. Переход до ближайшего крупного населенного пункта – Дарвина – на парусном судне занимал около двух недель. В 1924 г. Австралию облетела трагическая история о кораблекрушении корабля «Дуглас Моусон», произошедшем недалеко от этих мест. Захаров узнал от местных аборигенов, что часть пассажиров корабля спаслась и высадилась на берег. Ночью все мужчины были убиты, а двух женщин, мать и дочь, аборигены увели с собой. Некоторое время спустя была снаряжена правительственная экспедиция для

¹ Worobieff, Constantine... // NAA, BP25/1, WOROBIEFF C RUSSIAN.

² Oil in the Northern Territory. Interview with Mr. Zakharow // *Northern Standard*. – 16.02.1923. -С. 2.

поиска выживших, проводником которой служил Захаров, однако найти женщин так и не удалось.¹ В дальнейшем на его долю подобные приключения выпадали не раз. В 1925 году он женился на австралийке, которая разделяла с ним все тяготы их пионерской жизни.

К сожалению, после нескольких лет работ, нефтяные скважины на Элко пришлось признать недостаточно прибыльными и, оказавшись не у дел, в 1929 году Захаров отправился на Новую Гвинею. Там, с группой таких же отчаянных исследователей, он занялся поисками золота в труднодоступном юго-восточном горном районе к югу от нынешнего городка Лаэ. Вскоре они все свалились с дизентерией, особенно тяжелым было состояние Захарова, и входивший в их группу доктор Д. Беинсон принял решение нести его на руках до ближайшей взлетной полосы. В результате беспрецедентного 200-километрового перехода они добрались до Гараины, но Захаров умер, так и не дождавшись самолета, однако остальные члены экспедиции были спасены.²

[7.Zakharow. Подпись:] Евгений Захаров, накануне отъезда на Новую Гвинею (NAA, A1, 1929/3246)

Два десятка уроженцев Курской губернии, эмигрировавших в Австралию столетие назад, оставили, казалось бы, едва приметный след в ее истории. Но нет, те немногие, что имели семьи, все еще живут в памяти своих детей. О революционере Артеме помнят в России, Украине и Австралии, и его австралийские годы предстоит еще осмыслить без марксистско-ленинских шор на глазах. Память о таких неординарных личностях, как Евгений Захаров, сохранилась в многочисленных австралийских документах. А остальные – нет, они тоже не исчезли, и есть глубокий символизм в том, что Австралия открывает и оцифровывает свои архивы, чтобы и мы, люди с другого берега, могли вернуть из небытия судьбы своих соотечественников, попавших сюда. И, как знать, возможно со временем благодаря российским архивам и интернету и их судьбы удастся восстановить в полном объеме, и мы увидим, как из них и слагается наша история.

Марковчин В.В.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЙСКОВОГО КРУГА³ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО¹ П.М. АГЕЕВ

¹ The Douglas Mawson // *Townsville Daily Bulletin*. – 5.09.1924. – С. 4. Latest story of missing women. // Cairns Post. – 7.11.1924. – С.5.

² Strenuous career ended. Death of Peter Zakharow // *Townsville Daily Bulletin*. – 21.02.1930. – С. 10; Heroism of doctor in Jungle. Ordeal with dying mate stricken party // *Northern Standard*. – 30.05.1930. – С. 2; Ian Grabowsky, A history of diary form of civil aviation in Papua and New Guinea 1913-1935 // National Library of Australia, Manuscript Dept.

³Войсковой Круг – общевойсковое собрание у донских, волжских, яицких, гребенских и терских казаков в 16-18 вв. (у украинских — Сечевая Рада), решавшее вопросы войны и мира, организации военных походов, дележа военной добычи и жалования, выбора

Агеев Павел Михайлович родился в ноябре 1881 года в семье казака-земледельца станицы Клетской Хоперского округа Донской области. Образование получил высшее.

До 1914 г. работал преподавателем в коммерческом училище г. Новочеркаска², а позднее – заведующим общественной гимназией в станице Клетская. В 1921 году находился под судом в Московском реввоен трибунале³, за участие в работе Донского круга, но затем от уголовного наказания был освобожден.

С санкции заместителя председателя ОГПУ Мессинга⁴ был арестован 14 августа 1930 года в Москве по адресу: Б. Николо-Песковский пер., д.5, кв.10. Среди членов семьи – жена Наталья Захаровна и две дочери, все проживали в Москве. Родители – Михаил Григорьевич и Анна Яковлевна – проживали в ст. Усть-Медведицкой, братья Иван и Георгий проживали также в Москве.

Часть I.

В мае месяце 1917 года я от своей станицы Клетской был избран членом Донского войскового круга. Войсковым кругом в сентябре 17 г. я был избран членом Войскового Донского правительства и во главе делегации был направлен в Петроград для выяснения у Временного правительства⁵ об аресте и отстранении от должности атамана Каледина¹.

атаманов и других должностных лиц. Являлся высшим органом власти и высшей судебной инстанцией каждого Войска. После 1917 Войсковые круги были созданы на Дону, Тереке и в других казачьих областях; просуществовали до установления советской власти.

¹ Официальное наименование Донского казачьего войска в данный период времени. Считается, что Войско возникло во 2-й пол. XVI века. на Нижнем и Среднем Дону. С конца XVI века несло охрану южных границ России, размещаясь в области Войска Донского. Упразднено с установление советской власти.

² Новочеркасск – город в Российской Федерации, в Ростовской области. Основан в 1805 году как административный центр Земли (с 1870 г. - Области) Войска Донского.

³ Революционный военный трибунал – чрезвычайный судебный орган в советской России, действовавший в годы гражданской войны.

⁴ Мессинг Станислав Адамович (1890-1937) - член партии большевиков с 1908 года, активный участник революционного движения. После Октябрьской революции был секретарем Сокольнического исполкома и председателем Сокольнической районной ЧК. С декабря 1918 года - член коллегии и заведующий секретно-оперативным отделом Московской ЧК. В июле 1920 года утвержден членом коллегии ВЧК. С января 1921 года - председатель Московской ЧК. В ноябре 1921 года назначен председателем Петроградской ЧК. С октября 1922 года - командующий войсками ГПУ Петроградского округа, затем - руководитель Ленинградского ОГПУ и заместитель Председателя ОГПУ. С 27 октября 1929 по 31 июля 1931 года возглавлял внешнюю разведку. В 1931 году был переведен на руководящую должность в Наркомат внешней торговли. В 1937 году по необоснованному обвинению арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

⁵ Временное правительство - высший орган власти и управления в России в период со 2 марта по 25 октября 1917 года. Возникло в дни Февральской революции в ходе

В дальнейшем моя деятельность в Донском войсковом круге протекала следующим образом. В конце 17 года я был в Киеве на общеказачьем фронтовом съезде, как представитель Донского правительства. На этом съезде я председательствовал. В декабре 17 года в Новочеркасске третьим съездом Войскового круга я был избран председателем круга, а затем вновь был избран членом правительства.

После того, как в январе месяце 1918 г. Донское правительство самораспустилось, я уехал в свою станицу, где находился до августа 1918 г., после чего вновь был избран членом Войскового круга и переехал в Новочеркасск, где находился до конца 19 г. В Новочеркасске работал в Войсковом круге, будучи в оппозиции к атаману Краснову² и реакционной части круга, я был ранен единомышленниками Краснова на улице города.

В конце 19 г., перед занятием Новочеркаска Красной армией, Войсковой круг, а вместе с ним и я переехали в гор. Краснодар, где был образован Верховный круг Дона, Кубани и Терека, в состав которого я вошел.

Этот круг, совместно с командованием Добровольческой армии³ в феврале 1920 г. согласился образовать Южнорусское правительство, и я вошел в это правительство, как член по земледелию и землеустройству.

переговоров членов Временного комитета, Государственной думы и Исполнительного комитета Петроградского Совета.

¹Каледин Алексей Максимович (1861-1918) - российский военный деятель, генерал от кавалерии (1916). С 1917г. - войсковой атаман Донского казачьего войска, активно участвовал в борьбе с Советской властью. 28 января 1918 г. генерал Корнилов известил Каледина о решении отвести Добровольческую армию на Кубань, поскольку в условиях наступления красных и при отсутствии поддержки со стороны казачества ей грозит гибель. 29 января Каледин собрал заседание правительства, на котором сообщил о решении командования Добровольческой армии и о том, что для защиты Донской области от большевиков на фронте нашлось лишь 147 штыков. Он также заявил, что в таких условиях слагает с себя полномочия войскового атамана. В тот же день Каледин покончил с собой выстрелом в сердце. В своем предсмертном письме генералу Алексееву он объяснил свой уход из жизни «отказом казачества следовать за своим атаманом».

²Краснов Петр Николаевич (1869-1947), российский военный деятель, генерал-лейтенант (1917). В августе-сентябре 1917 г. командир 3-го конного корпуса, в октябре 1917 г. вместе с А. Ф. Керенским возглавил антисоветские вооруженные выступления. В 1918 — начале 1919 гг. атаман Всевеликого Войска Донского и командующий белоказачьей армией. С 1920 г. в эмиграции. Во время Великой Отечественной войны (1941-1945) сотрудничал с гитлеровцами. По приговору советского суда казнен через повешение.

³Добровольческая армия - белогвардейское воинское формирование на Юге России, сформированное в годы гражданской войны. Создана в ноябре-декабре 1917 г. в Новочеркасске. Первоначально комплектовалась на добровольческой основе, затем путем мобилизации. Возглавлялась генералами М. В. Алексеевым, Л. Г. Корниловым, генерал-лейтенантами А. И. Деникиным, П. Н. Врангелем, В. З. Май-Маевским. С 1919 г. в составе «Вооруженных сил Юга России». Численность от 2 тыс. человек (январь 1918 г.) до 50 тыс. человек (сентябрь 1919 г.). В октябре 1919 — марте 1920 гг. Добровольческая армия разбита частями Красной армии; ее остатки вошли в состав армии Врангеля, переброшенной в Крым.

Из состава этого правительства я вышел в марте 1920 года, так как находиться в нем в силу своих убеждений я считал себя невозможным. И тогда же заявил себя сторонником прекращения борьбы с большевиками и признания власти Советов.

После этого я уехал в Тифлис¹, где и находился до прихода туда Красной армии. В тифлисской газете «Борьба» в апреле месяце 1920 г. я поместил открытое письмо, в котором призывал казачество прекратить борьбу с Красной армией.

В апреле месяце 1921 г. в Тифлисе был арестован и направлен сперва в Ростов-на-Дону, а затем в Москву, где судим, после некоторого времени нахождения под стражей был освобожден. С этого времени, с конца 1921 г. я безвыездно проживаю в Москве, нахожусь все время на советской службе.

Образ жизни мой замкнутый, так как я намеренно стараюсь не иметь никакого общения с бывшими людьми², участвовавшими в свое время в гражданской войне на стороне белых. В Москве я поддерживаю знакомство со следующими лицами:

- 1) Савватеев Аристарх Петрович, тесть Свешникова М.С, профессора Военной академии РККА. Живет он Новинский бульвар, 20.
- 2) Чипликов Сергей Дорофеевич, бывший член Воскового круга. В 1923 г. прибыл из-за границы. Мой сослуживец по Сельскосоюзу.
- 3) Дяткин Ефим Осипович – управляющий Московской конторы Закметторга. В 1921 году он управлял Закавказской конторой, и я у него в конторе служил, где и познакомился.
- 4) Немцов Иван Павлович – терской казак. В свое время с белыми бежал за границу, где в Праге служил одно время в торгпредстве. Из Праги он уехал в СССР, года 2 тому назад. С Немцовым я встречался изредка.
- 5) Знакомая жены Мендельсон Варвара Константиновна.

Кроме перечисленных лиц у меня два раза на квартире был в 1923 году бывший генерал Секретев³, который в то время приехал из-за границы.

Первый раз Секретев зашел ко мне со Свешниковым, второй раз он пришел с неким Власовым. Секретеву я в первый его приход сказал, что нам в Москве бывшим людям не полезно встречаться. Этим я хотел дать ему понять, чтобы он не бывал у меня. После 1923 года я два раза случайно встретил Секретева на улице, с которым после мимолетного разговора расходился.

¹ В настоящее время – г. Тбилиси, столица Республики Грузия.

² «Бывшие люди» - широко бытовавший в послереволюционные годы термин, которым обозначали представителей высших сословий царского времени, а также чиновников, занимавших различные ответственные должности.

³Секретев Александр Степанович (1880-1930) - генерал-лейтенант, активный участник гражданской войны на юге России. Командовал конной дивизией и корпусом. С ноября 1920 года - в эмиграции, затем возвратился в советскую Россию. Вместе с группой казачьих генералов, старших офицеров и политиков был арестован по делу так называемого «Казачьего блока» и расстрелян. Более подробную справку о нем см. в Приложении № 2.

Кажется в 1924 году, точно не помню, когда я ее был на службе в Сельскохозяйственном союзе, туда пришел бывший белый полковник Гуцин Александр Федорович (кажется, которому я заявил, что к себе я его на дом не приглашаю, так как видаться с ним для меня вредно). После этого Гуцина я больше не видел.

С Доном у меня связи никакой нет. За все время моего нахождения в Москве у меня были три человека (были 2 человека до 25 г.). Бузулуцков Иван Тихонович, казак станицы Клетской, приезжал в Москву со стариком Зотовым. Приезжали они в Москву за покупками.

Синев Василий Федорович, бывший член Войскового круга, в данное время жительство в Воронежской губернии. Он приезжал ходатайствовать о восстановлении его в избирательных правах.

Давыдов Иван Дмитриевич, бывший член Войскового круга, переехал он на постоянное жительство в Москву или найти здесь какую-либо работу.

Из-за границы мне в 1929 году прислал открытку бывший народный учитель эмигрант Улитин Григорий и одно письмо бывший член правления Московского народного банка – Автономов. На оба письма я не ответил потому, что не хотел писать за границу.

За время моего нахождения в Москве у меня на квартире никогда никаких сборищ казаков, которые вели бы контрреволюционные разговоры, не было. Лично ко мне никто с какими-либо контрреволюционными предложениями никогда не обращался.

Петр Агеев.

Часть II.

В 1917 году был избран членом Донского войскового круга и на нем занимал должность товарища¹ председателя, а в декабрьской сессии был председателем.

В начале сентября месяца 1917 года второй сессией круга был избран членом Донского правительства; затем был послан с делегацией членов Круга в Ленинград (тогда Петроград), к Временному правительству, для урегулирования вопроса об отмене требования правительства об устранении атамана Каледина с должности. Будучи в Ленинграде, входил членом во Временный совет республики (так называемый предпарламент). Числа 18-19 октября Донское войсковое правительство телеграфно предложило мне выехать в Киев, где в то время открывался Всеказачий фронтальный съезд. На этом съезде я был избран председателем до момента военной обстановки в Киеве, после провозглашения Октябрьской революции, когда съездом был избран Военный комитет в составе военных членов съезда, который и принял на себя руководство съездом. А когда съезд из Киева переехал в Новочеркасск, я снова председательствовал на съезде до его закрытия.

На круге, будучи беспартийным, я все же считался одним из вождей демократической части казачества и разработал основные положения Закона

¹ Имеется в виду должность заместителя председателя войскового правительства.

об отчуждении помещичьих, купеческих, офицерских и других крупноземельных частных владений, а также настаивал на том, чтобы казаки правили Доном не одни, а совместно со всем населением, т.е. с крестьянами, рабочими и горожанами.

Это было принято на 3-м декабрьском круге, после которого имел место съезд неказачьего населения, избравший своих представителей в состав Объединенного правительства (7 казаков, 7 неказачьих и сверх этого Донской атаман и его помощник). Я был членом этого объединения Правительства до конца января месяца, когда это правительство, примерно за две недели до занятия Новочеркасска Красной армией, вышло в отставку, причем Каледин застрелился.

В бытность членом Объединенного правительства, я ездил в Каменскую станицу, где образовался Военно-революционный комитет казачьих полков, для переговоров с членами Комитета, после чего и члены Комитета приезжали в Новочеркасск, для переговоров с Войсковым правительством.

Намечалось было соглашение на том, чтобы в начале февраля месяца созван новый круг, выбранный всем населением Дона, и ему передать власть, но это соглашение не было реализовано, главным образом вследствие своевластия партизанских отрядов, которые уже слабо признавали власть войскового Правительства.

Таким образом, с ноября месяца 1917 г. до конца января 1918 г. я был, как член Правительства Донского, противником Советской власти.

Почему я не признал Октябрьскую революцию в 1917 году и в 1918 году? Ответить на этот вопрос коротко трудно. Во 1-х нужно отметить что, не будучи до 1917 года политическим работником, я все же воспитал убеждения, что Всероссийское учредительное собрание¹ есть важный орган власти. О том, что кроме демократической буржуазной республики есть другая форма власти трудящихся, именем власть советов, я не думал и не знал. Во 2-х, в 1917 году я, почти со всем Кругом, мыслили, что диктатура пролетариата не выдержит натиска германских войск, а если Германия

¹ Учредительное собрание - представительское учреждение в России, созданное на основе всеобщего избирательного права для установления формы правления и выработки конституции. В 1917 г. лозунг Учредительного собрания поддерживали большевики, меньшевики, кадеты, эсеры и другие партии. Созыв Учредительного собрания считался главной задачей Временного правительства, о чем оно заявило 2(15) марта. Выборы проходили с 12(25) ноября 1917 до нач. 1918 г. За эсеров проголосовало ок. 59% избирателей, за большевиков — 25%, за кадетов — 5%, за меньшевиков — ок. 3%, избрано 715 чел. Заседание состоялось 5(18) января 1918 в Таврическом дворце в Петрограде, явилось 410 депутатов. Преобладали эсеры-центристы; большевиков и левых эсеров — 155 человек (38,5%). Отказалось принять ультимативное требование большевиков о признании декретов съездов Советов и было разогнано в 5-м часу утра 6(19) января. В ночь с 6 на 7(20) января Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял декрет о роспуске Учредительного собрания, что способствовало обострению гражданского противостояния в стране.

победит, то она насадит опять династию Романовых¹, и, следовательно, завоевания революции все будут потеряны. В 3-х, жил по преимуществу в станицах и имел очень малый опыт непосредственного общения с индустриальным пролетариатом, я имел очень мало представления об его творческих и организаторских способностях. В 4-х, казалось тогда, что большевики идут против массы народной, и я, как избранный свободным голосованием, не в праве бросать свой пост. Когда же к концу января 1918 года выяснилось, что народная масса Дона нас не поддерживает активно, мы, т.е. Донское объединенное правительство, вышло в отставку, как это отмечено уже выше, примерно за две недели до занятия Новочеркасска Красной армией. Я поехал к себе на родину в Клетскую станицу, имея намерение заниматься школьной работой. Однако в станицах в это время еще не было порядка, была угроза пострадать от местных самосудов, и я прожил 3 месяца в степных хуторах, очень уединенно, почти никого не встречая.

В апреле или мае месяце, точно не помню, в Усть-Медведицком округе началось восстание, начали его казаки станицы Усть-Хоперской. Во главе восстания стал Совет восставших станиц и хуторов, к которому я не имел никакого отношения; узнал же об этом совете лишь тогда, когда в конце мая или начале июня приехал в Усть-Медведицу. В августе месяце восставшие против Советской власти станицы выбрали членов Войскового круга, и я был избран от станицы Клетской.

Проживая в феврале, марте и апреле уединенно и встречая только отдельных, единичных знакомых, я в беседах, поскольку об этом заходила речь, высказывался против восстания, но влияния я не имел.

Войсковой круг при атамане Краснове.

Войсковой круг при атамане Краснове был много реакционнее, чем круг 1917 года. Сам генерал Краснов был монархист и почти не скрывал этого; в земельном вопросе поддерживал помещиков против крестьян; был против предоставления прав Донского гражданства крестьянам, рабочим и горожанам; был сторонником крутых мер по отношению ко всем непослушным, но особенно к крестьянам, захватившим в 1917 году помещичьи и войсковые земли.

Я и часть членов круга, по преимуществу – от верхних станиц, был против политики Краснова в земельном вопросе, в крестьянском вопросе, как и противником суровых репрессий, прославившимся его правительством. Но донского атамана Краснова поддерживало германское командование, и он был выбран в сентябре месяце 1918 года донским атаманом.

Так как я продолжал бороться против системы и принципов управления и политики атамана Краснова, то я навлек сильный гнев дворянства, помещиков и высшего офицерского состава, а частично и низшего. В результате этого, в ночь с 1 на 2 февраля 1919 года в меня

¹ Династия русских царей и императоров в 1613-1917 годах.

стреляли два человека в военной форме (говорили тогда, что это были: офицер для поручений при командующем Донской армией хорунжий Морозов, а имени другого не называли). После ранения и операции я два месяца (февраль и март) пролежал в больнице, а потом ездил лечиться в Пятигорск¹, откуда вернулся в половине июня месяца 1919 года.

Войсковой круг при атамане Богаевском А.П.²

В это время атаман Краснов был смещен, и круг на его место выбрал атаманом генерала Богаевского, Африкана Петровича.

Когда я вернулся из Пятигорска, президиум Круга (я в это время не входил в президиум) решил поставить на обсуждение проект земельного закона, разработанный земельной комиссией, которой я был председателем, и меня назначили докладчиком. Я соглашался быть докладчиком, но с тем условием, что вслед за земельным законом будет поставлен вопрос о привлечении к управлению областью также и неказачьего населения³. В этом смысле была кругом сделана декларация, но потом круг своего обязательства не выполнил.

Проект же земельного закона был принят и стал законом, но тут выяснилось, что при атамане Богаевском очень усилилась власть и влияние добровольческого командования, в частности генерала Деникина⁴. Вследствие противодействия Добровольческой армии и дворянских кругов, а также и высшего командного состава армии, утверждение закона и его проведение в жизнь очень затянулось. Ближайшим же результатом земельного закона была усиленная злоба против меня, так что летом я получил одно за другим два вызова на дуэль (дворянином Ефремовым и полковником Бабкиным).

¹ Пятигорск - город (с 1830) в Российской Федерации, в Ставропольском крае. Бальнеологический и грязевой курорт в группе Кавказских Минеральных Вод. Расположен на р. Подкумок и склонах гор Машук и Горячая.

² Богаевский Африкан Петрович (1872-1934) - генерал-лейтенант (1918). Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1892), Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Участник первой мировой войны и Белого движения. Председатель Донского правительства (при атамане Краснове), (1918—1919), председатель Южно-Русского правительства (1919-1920). В феврале 1919 года избран новым атаманом войска Донского. После эвакуации из Новороссийска — вместе с Кругом в Крыму у генерала Врангеля. Эвакуировался из Крыма вместе с Врангелем в ноябре 1920 года. В эмиграции проживал в Константинополе, Софии, Белграде и Париже, где и скончался.

³ Его обычно называли иногородним.

⁴ Деникин Антон Иванович (1872-1947) - российский военный деятель, генерал-лейтенант (1916). В Первую мировую войну командовал стрелковой бригадой и дивизией, армейским корпусом; с апреля 1918 г. командующий, с октября главнокомандующий Добровольческой армией, с января 1919 главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России» (Добровольческая армия, Донская и Кавказская казачьи армии, Туркестанская армия, Черноморский флот); одновременно с января 1920 г. «Верховный правитель Российского государства». С апреля 1920 г. в эмиграции.

Обстановка 1919 года впервые серьезно показала, что казачество, в демократические убеждения которого я верил, (я говорил о том казачестве, которое было представлено на круге) очевидно, не способно стать в политической борьбе самостоятельной демократической силой, начинало становиться ясным, что борьбой против Советов руководит реакция – сословная, земельно-капиталистическая, а казачество используется им только в качестве мотора. Но я должен признать, что публично летом и осенью 1919 года о прекращении борьбы с Советской властью не заявлял.

И все же, на заседании Комиссии законодательных предположений (круг в это время был распущен) я поднимал речь о том, желали ли попыток нащупать какое-либо соглашение о прекращении военных действий. В конце ноября или самом начале декабря месяца 1919 г. было частное совещание членов круга, на котором участвовали и военные, и многими высказывалась мысль о том, что борьба против Советской власти вырождается и уже, пожалуй, и выродилась в борьбу за привилегии богатых классов, и по этой причине следует ее кончать. Но это были только суждения.

Кубань и Верховный круг Дона, Кубани и Терека.

Тем временем Красная армия имела большие успехи на фронте, а казачьи и добровольческие части отступали, и в самом конце декабря месяца 1919 года Войсковой круг и правительство переехали на Кубань, где в январе месяце 1920 года был открыт Верховный круг Дона, Кубани и Терека¹ (каждое войско было представлено 50 делегатами). Верховный круг ставил себе задачу образовать объединение, управление Дона, Кубани, Терека и повести самостоятельную политику, освободившись от давления Добровольческого командования. Эта задача не была разрешена удовлетворительно. С одной стороны было давление великобританского представителя (генерал Хольман²), который заявил, что Великобритания дает оружие и снаряжение только генералу Деникину; с другой стороны действовал террор: летом был убит офицерами Добрармии председатель Кубанской рады Рябовол³, а генералом Покровским⁴, по приказу Врангеля⁵ и

¹ Имеются в виду Всевеликое войско Донское, Кубанское казачье войско и Терское казачье войско.

² Генерал Хольман - военный представитель Великобритании при ставке генерала Деникина.

³Рябовол Николай Степанович(1883-1919) - казачий политик и общественный деятель, председатель Кубанской Краевой Рады. Убит в июне 1919 года.

⁴ Покровский Виктор Леонидович (1889-1922) – военачальник в Белом движении в годы гражданской войны. Последовательно командовал Кубанской конной бригадой (1918), конной дивизией и корпусом. Летом 1919 года руководил Волжской группой Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). С декабря 1919 года по февраль 1920 года командовал Кавказской армией ВСЮР, затем эмигрировал. Убит в стычке с болгарской полицией.

⁵ Врангель Петр Николаевич (1878-1928) - барон, российский военачальник, генерал-лейтенант Генштаба. Один из руководителей белого движения на Юге России. После

с одобрения Деникина, был повешен в Краснодаре член Кубанской рады Кулабухов¹; офицеры из конвоя и частей Покровского и Врангеля терроризовали членов круга; наконец, большое влияние на решение круга оказывали донской атаман Богаевский, терский атаман Вдовенко² и командующий Донской армией генерал Сидорин. Нужно также подчеркнуть, что и сами члены Кругов и рады оказались не на высоте задачи. Исторические эпохи требуют для решения своих задач и вопросов значительно более крупных людей, чем были мы.

В результате всех обстоятельств получился такой компромисс: генерал Деникин согласился ограничить свою власть в законодательных делах и в делах управления Законодательной палатой, пред которой должно было нести политическую ответственность правительство, организовавшееся на принципе парламентаризма председателем по поручению г. Деникина.

Правительство это было сформировано Н.М.Мельниковым, я вошел в него в качестве члена по ведомству земледелия и землеустройства.

Правительство это, сформированное в начале февраля месяца, продержалось на Кубани до 8 марта по старому стилю, и затем переехало в Крым, так как Кубань была занята Красной армией.

Крым.

По дороге в Крым я заявил председателю правительства Н.М. Мельникову, что я выхожу в отставку, так как прихожу к убеждению, что вся наша борьба с советской властью была величайшей политической ошибкой. Я называю это величайшим заблуждением, а не преступлением единственно потому, что в этой борьбе не преследовал никаких личных целей и был участником борьбы против Советской России до самого марта 1920 г., потому, что не верил в то время в творческие силы пролетариата и думал, что демократическая республика больше соответствует помыслам Родины.

И вот, борясь против власти Советов во имя демократизации (Учредительное собрание, земельный закон, представляющий землю крестьянству, рабочее законодательство, охраняющее права и интересы рабочих) я постепенно, на опыте убеждался, что все это только мои иллюзии, что на самом деле борьбой руководит генералитет, дворянство, капиталисты и что в результате борьбы восстанавливается старая дореволюционная монархическая Россия.

неудачи белого движения возглавлял Русскую армию на чужбине, стараясь сохранить ее для последующего победоносного реванша в новой гражданской войне. Осознав несбыточность этих планов, барон Врангель принимает решение об уходе из политики. Скончался 25 апреля 1928 г. в Брюсселе.

¹Кулабухов (Калабухов) Алексей Иванович (1880-1919) - в 1917-1919гг. член Кубанской краевой Рады и делегации Рады на Парижской мирной конференции 1919 года. После возвращения из Парижа 20 ноября 1919 года был повешен по приказу главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанта Деникина.

² Подробнее об атамане Терского казачьего войска Вдовенко см. в главе III.

Бороться за привилегии высших классов против интересов широких трудящихся масс я не должен был.

Тогда я подал прошение об отставке и вышел из правительства. Один мелкий штрих. Лишь только я перестал быть членом правительства, я был в Феодосии задержан контрразведкой ген. Слащева¹. Только помощь П.В.Чайковского², который имел некоторое значение у ген. Хольмана, выручила меня от ареста.

Тифлис.

Когда я вышел из состава правительства, стал вопрос, что делать. К слову сказать, дня через 2-3 после моей отставки генерал Деникин передал власть генералу Врангелю (был созван совет военачальников, на котором барон Врангель был «избран» преемником), так что и большинство других членов Ю.-Р. правительства стали свободны от портфелей. Все члены бывшего Южно-Русского правительства решили ехать за границу, и я просил завезти меня в Батум³, чтобы ехать отсюда в Грузию. У меня были две задачи проведения этого моего решения:

1- помочь нашим беженцам, рядовым казакам, вернуться из Грузии на родину, и

2-я – чувствовал потребность, лучше сказать, категорическое пребывание своей совести не уходить с родины, что я моим участием в борьбе против советов причинил много вреда, а усиленной работой над восстановлением ее хозяйства и культурной жизни загладить мою вину перед рабочими и крестьянами, и казаками советской России.

В Тифлисе я начал с того, что поместил в газете открытое письмо к донским казакам, в котором признавал борьбу нашу с советской властью

¹Слащов (Слащев) Яков Александрович (1885-1929) - видный белый военачальник, генерал-лейтенант (1920). В начале 1921 Слащов вступил в тайные переговоры с советскими властями, получил разрешение вернуться в Россию и обещание трудоустройства по специальности. 21 ноября 1921 он прибыл в Севастополь, откуда в вагоне Ф. Э. Дзержинского, прервавшего ради этого свой отпуск, выехал в Москву. Слащов был амнистирован и в июне 1922 зачислен на должность преподавателя (с 1924 — главного руководителя) тактики Высшей тактико-стрелковой школы командного состава «Выстрел». Обратился к солдатам и офицерам Русской армии с призывом возвращаться на родину. Опубликовал ряд статей в военной печати. В 1924 вышла его книга «Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний» (1924; 2-е издание, 1990). 11 января 1929 был убит у себя на квартире неким Коленбергом, показавшим, что он застрелил Слащова в отместку за брата, казненного в Крыму по его распоряжению. В литературе высказывалось предположение, хотя и не подкрепленное документами, что убийство Слащова, совпадающее по времени с репрессиями против бывших офицеров царской армии в 1929-30, могло быть организовано советскими карательными органами. События жизни Слащова легли в основу создания образа генерала Хлудова в пьесе М. А. Булгакова «Бег». Подробнее об операции по возвращению Слащова в советскую Россию см. Хинштейн А.Е. «Подземелья Лубянки». М., «Олма-пресс», 2005.

² Чайковский П.В.

³ Ныне г. Батуми, столица Аджарии в составе Грузии.

тяжким заблуждением и призывал их, оставивши белых, признать советскую власть своею властью. Затем, по договоренности с полпредом т. Кировым¹, группой членов круга, оказавшихся в Грузии, была послана делегация в советскую Россию и на Дон (в составе Синева, Медведева и др. членов), которая по возвращении сделала заявление к казакам о том, что надо ехать всем на родину, признавать соввласть и работать.

Я же лично поступил на службу в Тифлисское отделение Московского народного банка, а затем перешел в Управление закавказскими конторами Центросоюза, где работал до марта месяца 1921 года, когда (7 числа) я был арестован Особым отделом XI Красной армии. Так как я был болен тифом, то начальник Особого отдела тов. Панкратов освободил меня на слово из больницы при Особом отделе до выздоровления. Когда я выздоровел, (это было примерно в половине апреля), я был отправлен в Москву, через Ростов. Товарищ Панкратов допрашивал меня и о моей работе на Дону и Кубани, и о причинах выхода из борьбы и признания советской власти, и о работе в Тифлисе.

Из Тифлиса до Ростова я ехал (вместе с Давидом) под конвоем одного красноармейца, а из Ростова-на-Дону под конвоем, помнится, 3-х красноармейцев.

По прибытии в Москву был в заключении, сначала во Внутренней тюрьме ВЧК² (ГПУ), затем в Бутырской. Примерно в августе месяце 1921 года состоялось определение Коллегии ВЧК (ГПУ)³ о предании меня суду Московского революционного трибунала, после чего я был переведен в Таганскую тюрьму. После следствия, [про] веденного следователем трибунала, который, принимая с одной стороны мой добровольный выход из борьбы до ее окончания, помещение в газете «Борьба» открытого письма, с призывом прекратить борьбу и признать Советскую Россию, мою честную работу в советской кооперации, амнистию ВЦИК⁴а по случаю побед над

¹ Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886-1934) - советский политический деятель. С 1921 г. 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана. С 1926 г. 1-й секретарь Ленинградского губкома (обкома) и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП (б); одновременно в 1934 г. секретарь ЦК ВКП (б). Член ЦК партии с 1923 г. (кандидат с 1921). Член Политбюро ЦК с 1930 (кандидат с 1926). Застрелен террористом.

² Всероссийская чрезвычайная комиссия - в 1917-22 гг. орган, созданный для борьбы с контрреволюцией и саботажем. Основана (во главе с Ф. Э. Дзержинским) в декабре 1917 г. В 1918 г. были созданы местные органы ВЧК: губернские, уездные (упразднены в январе 1919 г.), транспортные, фронтовые и армейские ЧК. ВЧК проводила массовые жестокие репрессии в основном по классовому принципу, реализовывала т. н. красный террор. В 1922 г. реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ).

³ Группа наделенных полномочиями лиц, образующих руководящий, совещательный или распорядительный орган, в данном случае - ВЧК.

⁴Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) - высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти РСФСР в 1917-1937 гг.

белыми армиями и мое раскаяние в политических заблуждениях, постановил меня простить и от наказания освободить.

Москва.

7 декабря 1921 г. я был освобожден из Таганской тюрьмы и, помнится, 19 декабря поступил на работу в «Сельскосоюз» (Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации). Затем я последовательно работал в Совете центров сельскохозяйственной кооперации, Союзе союзов сельскохозяйственной кооперации и Хлебоцентре. В последнем, в связи с сокращением штатов, я был сокращен с 15 августа 1930 г. И должен был 15 августа с путевкой учраспреда направиться в распоряжение отдела кадров НКЗ СССР¹, когда был арестован (в ночь с 14 на 15 августа). Кроме работы по сельскохозяйственной кооперации я работал преподавателем на курсах Москадрообра, работа эта продолжалась с 1923 г. по июль месяц 1930 года.

В 1927 году по моему ходатайству мне президиумом ВЦИКа предоставили избирательные права, которых я был лишен, как бывший член президиума войскового круга и член Южнорусского правительства.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

23/09-30г.

**Гражданину следователю.
От арестованного МОК № 101
– Павла Агеева.**

22/09-30г. вы сказали, что я являюсь «центром» притяжения разных казачьих элементов, которые группируются в контрреволюционную организацию. Если бы «центра» не было, то не возникло, надо полагать, наше дело.

«Центра» на самом деле нет, ибо я никого не объединяю и не центрирую, для какой бы то ни было организации и контрреволюционной работы.

Но если кажущийся «центр» сделает попытку убрать себя, то, надо полагать, и привлекаемые вместе со мной мои знакомые получат освобождение. Вот эта моя попытка «убраться» пусть убедит вас, что никакого «центра» и никакой контрреволюционной организации нет, и что, в частности с Немцовым, никакой беседы об эмиграции в целом у меня не было.

23/09-30г.

П.Агеев.

¹ Народный комиссариат земледелия.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

Начальнику 5-й группы ОО ОГПУ тов. Горбак
от опер.работника 5-й группы Козлова И.К.

Рапорт

Настоящим довожу до Вашего сведения, что в ночь с 25-го на 26-е сентября с.г. арестованный по делу ликвидированной в Москве контрреволюционной казачьей организации, бывший член Южнорусского белого правительства, председатель Донского войскового круга, Агеев Павел Михайлович, содержащийся в Бутырской тюрьме, покончил жизнь самоубийством, путем удушения.

При осмотре на месте трупa и камеры, где содержался Агеев, опросом арестованного Никитина К.Н., (содержался в одной камере с Агеевым) и дежурных надзирателей Редрухина и Грешнева – выяснено следующее:

Агеев повесился в своей камере на трубе парового отопления между 5-6 часами утра, после очередного обхода камер надзирателями.

Петлей Агееву для удушения послужил кожаный ремень, которым Агеев связывал свою постель (одеяло, подушку) во время его ареста. Кроме этого ремня в агеевской камере было обнаружено еще два поясных ремня, из которых один принадлежал Агееву, а второй арестованному Никитину.

В связи с указанным необходимо отметить, что при наличии в одиночных камерах у арестованных кожаных ремней, для любого арестованного при желании нет никакой трудности применить их не только для удушения, но и для других целей.

Осмотром вещей Агеева в кармане его брюк, в бумажнике, была обнаружена записка, написанная рукой Агеева на имя следователя, датированная 23/09 – с.г., из которой видно, что Агеев заблаговременно готовился к самоубийству из-за нежелания давать объяснения, как о своей контрреволюционной деятельности, так и деятельности лиц, связанных с ним, выжидая для этого подходящее время.

Арестованный Агеев за время с 14-го августа с.г. допрашивался восемь раз. Последний допрос произошел 22/09-30 г.

Ст. оперативный работник 5-й группы ОО: Козлов

К 70-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Коровин В.В., Манжосов А.Н.

ДЕЙСТВИЯ ДАЛЬНЕБОМБАРДИРОВОЧНОЙ АВИАЦИИ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА В КУРСКО-БЕЛГОРОДСКОЙ ОПЕРАЦИИ (ФЕВРАЛЬ 1943 Г.)

Значительную роль в обеспечении успешного наступления советских войск, нанесении ударов по вражеским коммуникациям, железнодорожным

узлам в тылу противника играли 53-я и 62-я авиационные дивизии дальнего действия (АД ДД), которыми командовали полковники И.В. Георгиев и Г.Н. Тупиков.¹ Эти авиационные соединения зимой 1943 г. базировались в Мичуринске, наносили удары по врагу за 250-300 километров от своих баз.

14-й и 325-й авиационные полки, входившие в состав 62-й АД ДД, в ночь с 2 на 3 февраля 1943 г. осуществляли первую бомбардировку Курского железнодорожного узла. В налете участвовало 24 самолета (14 – ЛИ-2 и 10 – ТБ-3). С высоты 1900-4200 метров летчиками было сброшено 150 бомб общим весом 29 тонн. 30% из них составляли авиабомбы большой разрушительной мощности (ФАБ-500, ФАБ-250).²

Как свидетельствуют боевые донесения штаба 62-й АД ДД, в ходе авиаударов каждый из летчиков – Горбачев, Титов, Митьковский, Топол, Попов, Москалина, Васильев и другие сбросили с высоты 3400-4200 метров по 2 бомбы ФАБ-500.³

Налет проходил в условиях ожесточенного зенитного огня, постоянного света прожекторов. Вокруг Курска было зафиксировано 8 зенитных орудий, 10 точек мелкокалиберной зенитной артиллерии и 15 зенитных прожекторов.⁴

Боевой мастерство демонстрировали экипаж летчика Васильева и штурмана Кочетова, осуществившие прямое попадание в железнодорожное полотно. Летчик Титов и штурман Юзин осуществили прямое попадание в железнодорожные строения на южной горловине Курского узла. Так же метко действовали экипажи летчиков Пашишолоина и штурмана Аверина, Феоктисова и штурмана Лысенко, которые, несмотря на интенсивный обстрел и прямые попадания зенитных снарядов, удачно сбросили бомбы на южную горловину узла. Летчику Будкину удалось сбросить 16 бомб различного калибра и обстрелять немецкую зенитную установку.⁵

Летчик Островский и штурман Зуб наблюдали 9 очагов пожара в районе цели. Были слышны 2 взрыва большой силы и новые очаги пожаров.⁶

С 4 по 11 февраля 1943 г. летчики 62-й АДД участвовали в налетах на Харьковский и Львовский железнодорожные узлы. Так, в ночь на 7 февраля было совершено 13 самолето-вылетов на станцию Льгов.⁷

11 февраля ночью были зафиксированы взрывы южной, северо-западной и восточной окраинах Льгова. Возникло 5 очагов пожаров, 3 попадания в железнодорожное полотно, одно прямое попадание в железнодорожный эшелон.⁸ В боевых донесениях подчеркивалось, что противовоздушная оборона Львовского ж.д. узла по мощности почти не уступала Курскому, насчитывала более 10 зенитных точек.

С 2 по 7 февраля 1943 г. бомбовые удары по станциям Черемисиново, Щигры, Курск наносили летчики 53-й авиадивизии дальнего действия. В этих налетах участвовало 149 экипажей.⁹

Так, в ночь с 2 на 3 февраля 26 советских бомбардировщиков (14 – ТБ-3 и 12 – ЛИ-2) сбросили 31729 кг. Бомб на курский ж.д. узел.¹⁰ Как отмечается в боевых донесениях командиров авиаполков штабу 53-й АД ДД 1-й гвардейский авиаполк (командир – подполковник Чиркасов) совершил 70

ударов по Курску, сбросил 764 (83495 кг.) бомбы. В результате произошло 23 взрыва, 28 пожаров, было уничтожено 7 вражеских эшелонов.¹¹

3-й авиаполк подполковника Осадченко совершил 40 ударов по Курскому узлу, сбросил 251 бомбу весом 40,2 тонны. Это вызвало 6 пожаров на бомбардируемых объектах.¹²

Летчики 7-го авиационного полка (командир – подполковник В. Щелкин) бомбили Курск 39 раз, сбросив 287 бомб (общим весом 49 тонн), возникло 16 пожаров и взрывов.¹³

Приводим несколько выдержек из боевых донесений штаба 53-й АД ДД. В ночь с 5 на 6 февраля 1943 г. Курский узел бомбили 47 советских самолетов (31 – ЛИ-2 и 16 – ТБ-3). С высоты 2000-3700 метров было сброшено 409 бомб общим весом 54835 кг. 21,2 % из них составляли бомбы мощной разрушительной силы (ФАБ-500, ФАБ-250).

Было зафиксировано 11 взрывов и 12 пожаров вследствие попаданий бомб в эшелоны с горючим и боеприпасами. Горели железнодорожные постройки, а также ряд составов. Хорошо действовали летчики во главе с капитаном Героем Советского Союза Ф.Р. Степановым и командиром эскадрильи майором Л.А. Филиным.¹⁴

В ночь с 6 на 7 февраля 36 самолетов (27 – ЛИ-2 и 9 – ТБ-3) бомбардировали основную цель – объекты Курского железнодорожного узла. На врага было сброшено 352 бомб весом 41332 кг., из них 57 % являлись бомбами высокой разрушительной силы. Возникло 11 очагов пожара, из них 3 – в районе товарной станции, а несколько очагов пожара - среди эшелонов, стоявших на железнодорожных путях.¹⁵

10-13 февраля 1943 г. летчики 53-й АД ДД совершили 8 налетов на станцию Льгов, сбросили 5320 кг. Бомб различного калибра.¹⁶

С 12 февраля 1943 г. части 53-й АД ДД совершали бомбардировки станций Глушково, Ворожба, Сумы, находившиеся в глубине вражеской обороны.¹⁷

Таким образом, летчики 53-й и 62-й авиационных бомбардировочных дивизий дальнего действия внесли свой вклад в успешное продвижение советских войск в районе Курска, в обеспечение наступательного порыва 60-й армии на Льговском направлении в феврале-марте 1943 г.

Примечания:

1. ЦА МО РФ. Ф. 20080. Оп. 1. Д. 26. Л. 68-69; Молодая гвардия. – 1987. – 7 февраля.
2. Там же, Л. 69.
3. Там же, Л. 68-68 об.
4. ЦА МО РФ. Ф. 20115. Оп. 1. Д. 19. Л. 49.
5. ЦА МО РФ. Ф. 20080. Оп. 1. Д. 26. Л. 69.
6. Там же.
7. Там же, Л. 71-72, 74-75, 78-79, 82-83, 86-87.
8. Там же, Л. 97.
9. ЦА МО РФ. Ф. 20115. Оп. 1. Д. 19. Л. 57.
10. Там же, Л. 29, 57.
11. Там же, Л. 53.
12. Там же, Л. 80-81.
13. Там же, Л. 50.

14. Там же, Л. 32.
15. Там же, Л. 33-33 об.
16. Там же, Л. 53,57.
17. Там же, Л. 57-68.

ОТЦЫ – КОМАНДИРЫ

(Биографические сведения о командовании соединений, принимавших участие в освобождении Курской области)

ГУСЕВ Иван Андреевич (1901-1976), генерал-майор (1.09.1943), командир 70-й гвардейской стрелковой дивизии. Герой Советского Союза (17.10.1943).

Родился 28.08.1901 г. в с. Луги Демидовского р-на Смоленской обл. В РККА – с июня 1920 г. Окончил командно-пулеметные курсы, курсы «Выстрел» (1932, 1938).

С 1939 по 1942 гг. – зам. командира стрелковой дивизии. С 19.03.1942 по 26.05.1943 гг. – командир 248-й отдельной стрелковой бригады, участник освобождения г. Курска. С 26.05.1943 по 20.03.1944 гг. – командир 70-й гв. СД, участвовал в боях на Северном фесе Курской дуги.

С января 1946 по декабрь 1950 гг. – зам. командира 30-го гвардейского стрелкового корпуса. С февраля 1951 по ноябрь 1956 гг. – военный комиссар Ленинградской области. С марта 1957 г. в отставке. Умер 21 января 1976 г. в Ленинграде.

Награжден: орд. Ленина (3), Красного Знамени (3), Суворова II ст., Кутузова II ст., Богдана Хмельницкого II ст., Красной Звезды, медалями.

Ист.: ЦАМО РФ. Ф. 8. УПК № А-764802 И.А. Гусева.

ДЬЯКОНОВ Петр Александрович (1903-1984), генерал-майор (4.02.1943), командир 237-й стрелковой дивизии.

Родился 24.09.1903 г. в Вельске Вологодской обл. С 1925 г. – на службе в РККА (Ленинградский ВО): красноармеец, младший командир, ком. взвода и роты, с 1936 г. – командир батальона. В 1938 г. – командир 149-го СП (БелВО). Великую Отечественную войну начал в должности нач. штаба 340-й СД. С марта по декабрь 1942 г. – нач. отделения боевой подготовки 50-й и 38-й армий. С 6.01. по 26.08.1943 г. – командир 237-й СД 38-й армии, участник освобождения южных и юго-западных районов Курской области.

С июня 1944 по май 1951 гг. – начальник Саратовского Суворовского училища. В мае 1951 – феврале 1954 гг. – начальник боевой подготовки 6-й и 13-й армий. С февраля 1954 по 1958 гг. – начальник военной кафедры Львовского ветеринарного института.

Награжден: орд. Красного Знамени (1943, 1965), Суворова II ст. (1943), Красной Звезды (3), медалями. Умер во Львове (Украина) в 1984 г.

Ист.: ЦАМО РФ. Ф. 8. УПК № А-078375 П.А. Дьяконова.

ЛАДЫГИН Иван Иванович (1902-1969), генерал-майор (4.02.1943), командир 121-й стрелковой дивизии.

Родился 14.05.1902 г. в Рославле Смоленской губ. Красноармеец с 1919 г. Участник Гражданской войны, сражался в августе – ноябре 1920 г. на Западном фронте. С ноября 1940 по январь 1943 гг. – нач. штаба 22-го укрепленного района Ленинградского фронта. С 23.01 по 26.02.1943 г. – командир 129-й отдельной стрелковой бригады, с 26.02 по 9.03.1943 г. – командир 303-й СД, участник Воронежско-Касторенской операции. С 9.03.1943 по 22.07.1944 гг. – командир 121-й стрелковой Рыльско-Киевской дивизии. Тяжело ранен в ходе боя у гор. Дунатов (Львовская обл.). С октября 1944 г. – начальник Львовского пехотного училища.

Награжден: орд. Красного Знамени (1944, 1945), Суворова II ст. (8.02.1943, 17.10.1943), Богдана Хмельницкого II ст. (10.01. и 9.09.1944), Красной Звезды, медалями.

Умер 28 декабря 1969 г. в пос. Победа Нарофоминского р-на Московской обл.

Ист.: ЦАМО РФ. Ф. 8. УПК № 114/23 И.И. Ладыгина.

РАССАДНИКОВ Семен Сергеевич (1903-1981), полковник (14.02.1943), командир 141-й стрелковой дивизии.

Родился 15 февраля 1903 г. в дер. Макеево Болховского уезда Орловской губ. В РККА с 1918 г. В действующей армии с мая 1942 г. на Воронежском фронте. С 6.06 по 20.09.1942 г. – зам. командира 161-й и 159-й стрелковых дивизий. С 1.10 по 25.11.1942 г. – и.д. командира 141-й СД; с 29.11 по 30.12.1942 г. – зам. командира 141-й СД, с 30.12.1942 по 13.02.1943 гг. – зам. командира 107-й СД. С 13.02 по 24.11.1943 – командир 141-й стр. дивизии, участник Воронежско-Касторенской операции, освобождения Курской области (зима – лето 1943).

С 24.11.1943 по 20.01.1944 гг. находился на излечении в госпитале.

Награжден: орд Суворова II ст. (24.09.1943), Красного Знамени (1943, 1945), Отечественной войны I ст. (1945), Красной Звезды (1944, 1945), медалями.

Ист.: ЦАМО РФ. Ф. 8. УПК С.С. Рассадникова.

УЛИТИН Иван Иванович (1900-1965), генерал-майор (04.02.1943), командир 232-й стрелковой дивизии.

Родился 25.06.1900 г. в с. Панфилово Муромского уезда Владимирской губ. С РККА с 1918 г. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. в должности командира 41-го стрелкового полка 84-й стр. дивизии. С 3.01.1942 по 12.12.1943 гг. командовал 232-й СД, участвовал в обороне Воронежа (июль – август 1942), в освобождении территории юго-восточных и южных районов Курской области (январь – март 1943). С 2.08.1945 – командир 71-й гв. СД в Каунасе (Литва). Умер 10 мая 1965 г. в Москве.

Награжден: орд. Ленина (1945), Суворова II ст. (1943), Красного Знамени (1940, 1941, 1944).

Ист.: ЦАМО РФ. Ф. 8. УПК № 472171 И.И. Улититна

БУЙНОВСКИЙ Григорий Павлович (1896-1957), полковник (31.08.1942).

Родился 19.12.1896 г. в с. Козий перекресток Гродненской губ. Участник Великой Отечественной войны с июля 1941 г. С ноября 1941 г. – командир 10-го стр. полка 45-й СД 40-й армии ЮЗФ. До 17.05.1943 г. – зам. командира 248-й отдельной стрелковой бригады, позднее – командир 42-й курсантской стр. бригады. С 18.09.1943 по 19.04.1944 гг. – начальник 2-го Астраханского пехотного училища. С 15.02.1945 г. – зам. командира 280-й СД 13-й армии. С июля 1946 г. – в запасе. Умер 10 мая 1957 г. в Волынской обл. Украины.

Награжден: орд. Красного Знамени, Отечественной войны I ст. (1945).

Ист.: ЦАМО РФ. Ф. 8. УПК полковника Г.П. Буйновского

Замулин В.Н.

ПРОХОРОВКА. ТЕХНОЛОГИЯ МИФА

В истории Великой Отечественной войны события, развернувшиеся в районе Курска летом 1943 г. занимают особое место. Вот уже почти 70 лет минуло с тех памятных дней, а интерес к ним продолжает неуклонно расти и в России, и за рубежом. Курская битва стала её не только переломным моментом, но и породила большое число мифов. Один из них, наиболее живучих о «беспримерном танковом сражении под Прохоровкой».

Несмотря на то, что в 2000-е гг. о боях у этой знаменитой станции российскими учёными был опубликован ряд фундаментальных исследований, в которых дана ясная, обоснованная оценка масштабу и значению, легенда по-прежнему продолжает жить. Причём, «локомотивом» её продвижения выступают издаваемые государственными учреждениями сборники, в которых бой четырех корпусов 5 гвардейской танковой армии (5 гв.ТА) с двумя моторизованными дивизиями СС (мд СС) именуется не иначе как *«решающим сражением Великой Отечественной»*.¹ Причём, авторы не без основания утверждают, что их *«литературно-мемуарные творения рождались не на пустом месте, а...опирались на исторические события раскрытые в книгах ранее живущих писателей»*.²

Действительно, процесс формирования легенды длился десятилетия и корнями уходит в лето 1943 г. Проследить эту «технологическую цепочку» удалось лишь недавно, после рассекречивания в Центральном архиве

¹ Найдёнов Н.Ф. У незнакомого посёлка. Белгород, 2006. С. 69.

² Там же. С. 7.

Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) ряда документальных фондов. Ключевым пунктом мифа стал масштаб сражения. Согласно доминировавшей в советской историографии точки зрения, 12 июля 1943 г. у станции столкнулись во встречном сражении две группировки общей численностью от 1200 до 1500 танков. Как и у большинства исторических легенд, прародителями её стали непосредственные участники тех событий. Точнее командующий 5 гв. ТА генерал-лейтенант П.А. Ротмистров и его штаб.

Первым официальным документом, где указана численность немецкой бронетехники, противостоявшей 5 гв. ТА под Прохоровкой (в двух районах, где действовали её войска) стало донесение разведотдела (РО) штаба Воронежского фронта, составленное на исходе 12 июля 1943 г. Сведения, включенные в него, в течение всего дня боёв фронтовые разведчики скрупулезно собирали на переднем крае. *«Противник, - отмечено в донесении, - до трёх полков мотопехоты, при поддержке до 250 танков танковых дивизий¹ «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мёртвая голова» с рубежа Прелестное – Ямки и до двух мотополков с группой танков до 100 единиц с рубежа Кривцово – Казачье – перешли в наступление в общем направлении на Прохоровку, стремясь окружить и уничтожить части 69 армии».*²

Если учесть высокую динамику боя и концентрацию сил на небольшом участке, а также сравнивать эти цифры с реальными данными о наличии бронетехники в трёх дивизиях СС (входили во 2-й танковый корпус СС (2 тк СС)), действовавших с рубежа Прелестное – Ямки (юго-западнее станции) и 3 тк – рубеж Кривцово – Казачье (южнее), то следует отметить: фронтовая разведка сработала отлично. На 19.45 11 июля во 2 тк СС было в строю 273 танка и штурмовых орудия, а в 3 тк – 100 танков³. Хотя если опираться на обнаруженные мной в ЦАМО РФ источники, непосредственно для отражения удара 5 гв. ТА командование корпуса СС задействовало всю бронетехнику мд СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» (77 шт.) и «Рейх» (95), а из мд СС «Мёртвая голова» только 34 единицы из имевшихся 122. Остальные находились в полосе соседней 5 гв. армии (А).

24 июля 1943 г., после окончания боёв, член Военного Совета фронта генерал-лейтенант Н.С. Хрущёв включил данные РО в своё донесение «О танковом сражении 12-го июля 1943 года в районе Прохоровки Курской области», адресованное лично И.В. Сталину.⁴ Тем самым подтвердив их достоверность.

Согласно боевым документам, в течение 12 июля 5 гв. ТА ввела в бой юго-западнее станции: 18 тк (149 танков), 29 тк (199 танков и 20 сау), 2 тк

¹ Официально именовались моторизованными, но комплектовались как танковые.

² ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843.Д. 452. Л. 95.

³ N.Zetterling and A.Frankson. Kursk 1943.A Statistical Analysis. London.Portland. Frank Gass, 2000. Table A.6.4 - A6.10.

⁴ Донесение И.В.Сталину о боях под Прохоровкой // Военно-исторический журнал. 2007. № 9. С. 27.

(52), основные силы 2 гв. тк (94) и южнее: части и соединения передового отряда армии, 2 гв. тк 5 гв. механизированного корпусов (всего 148 танка и 10 сау).¹ Таким образом, на ставшем впоследствии знаменитом «танковом поле» юго-западнее Прохоровки в этот день действовали 514 советских, против 206 немецких танков и самоходных (штурмовых) орудий, а южнее - 158 против 100. Следовательно, в общей сложности в двух районах непосредственно в боях участвовало 978 бронеединиц (720 и 258 – соответственно), из примерно 1200 - которые стороны имели в тот день в строю.

Однако в историю Курской битвы вошли другие данные, подготовленные командованием 5 гв. ТА на основе предположения её командующего и ошибочных данных разведки. В «Отчёте о боевых действиях 5 гв. ТА за период с 7 по 24 июля 1943 г.» («Отчёт...»), утвержденном командармом П.А. Ротмистровым, отмечалось, что юго-западнее Прохоровки: *«Развернулось необычное, по своим масштабам, танковое сражение, в котором на узком участке фронта с обеих сторон участвовало более 1500 танков, громадное количество артиллерии всех видов и назначений, миномётов и авиации».*² Складывалась эта цифра из следующих данных. Для удара на Прохоровку немцы сосредоточили до 1000 танков: с юго-запада - 7 танковых и 4 пехотных дивизии, а также 2 танковые и 1 моторизованную - с юга. При этом непосредственно против 5 гв. ТА, якобы, действовали 6 танковых дивизий, имевших 700-800 боевых машин³.

Удивляет перечень немецких соединений. В группу «сосредоточенных для удара на Прохоровку» отнесены все дивизии 48 тк, которые наступали на Обоянь и западнее от неё, и никогда у станции не отмечались. А в группу - «действовавшие непосредственно против 5 гв. ТА» включены 16 мд, 17 тд и тд СС «Викинг» (якобы наступавшие с юга на Прохоровку), хотя они находились в резерве и в ходе операции «Цитадель» не использовались.

К работе армейской разведки всегда было много нареканий. Особенно во время зимней (1943 г.) кампании Красной Армии. Не случайно 19 апреля 1943 г. И.В. Сталин подписал специальный приказ об укреплении разведорганов всех уровней и повышении их эффективности. В ходе летних (1943 г.) боёв работа разведслужб в войсках Воронежского фронта, в том числе и его штаба, по-прежнему, вызывала много нареканий командования. Главными недостатками были: низкий профессионализм офицеров, проблемы с анализом информации и склонность её руководителей к преувеличению силы врага. Но, по сравнению с армейскими, фронтовые разведподразделения работали заметно эффективнее.

Не была исключением и 5 гв. ТА. Вот лишь один пример. По данным её штаба к исходу 12 июля: *«На южном участке (южнее Прохоровки – авт.) действуют 19 и 7 тд противника и вновь подошедшая 6 тд, всего 400-600*

¹ Замулин В.Н. Засекреченная Курская битва. М.: Яуза, ЭКСМО, 2008. С. 770.

² ЦАМО РФ. Ф. 5 гв. ТА. Оп. 4948. Д. 19. Л. 7.

³ ЦАМО РФ. Ф. 5 гв. ТА. Оп. 4948. Д. 19. Л. 5.

танков».¹ Эти данные были продублированы и в донесении штабу фронта на 15.35 от 14 июля.² В действительности же, армейская группа «Кемпф», действовавшая здесь, на 6.00 14 июля имела всего 82 танка³ без учёта 505 батальона «тигров», численность которого колебалась от 6 до 10 Т-6. Причем, наиболее боеспособная 7 тд (в строю 40 танками), не была нацелена на Прохоровку, она пробивалась на юг от неё к г. Короча, а наступавшая с юга к станции 19 тд располагала лишь 28 боевых машин. Во время переговоров в полдень 13 июля с П.А. Ротмистровым командующий фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин выразил сомнение: *«Вряд ли противник успел сосредоточить туда такое большое количество танков, как Вы доложили»*⁴. Понимая, что данные явно завышены, командарм попытался направить недовольство командующего на соседей. *«На юге.., - отвечает он, - всего, я считаю, может быть танков не свыше 300-400. Группировку танков... мне дала авиация, поэтому очевидно и получилось преувеличение танковых сил противника»*.⁵

Как рассказывали автору этой работы офицеры – ветераны войны, численность вражеской бронетехники на каком-либо направлении советская сторона подсчитывала двумя основными способами. Во-первых, по числу выявленных дивизий, умножая их количество на штатную численность - 200 танков, а укомплектованность уже участвовавших в сражениях уменьшали на 10-15 за каждый день боя. При этом, к лету 1943 г. ещё не было точно известно, что немцы перевели штаты танкового полка танковой дивизии из трёх батальонного состава (200 танков) на двух батальонный (166). Во-вторых, штабы наземных войск ориентировались на авиаразведку, и уже свои цифры сверяли с её данными. А лётчики, действительно (стоит согласиться с командармом), тоже не редко ошибались, в том числе и из-за искусной маскировки противника. Вот пример, 15 июля 1943 г, когда основные события у станции уже произошли, инженерная разведка 69А раскрыла военную хитрость врага: южнее Прохоровки, применяя макеты, он создавал ложное сосредоточение танков.⁶ Таким образом, авиаразведка, доносившая П.А. Ротмистрову, что в этом районе замечено до 600 танков, пересчитали, в том числе и их макеты.

Вместе с тем, между РО армий Воронежского фронта не был налажен обмен информацией. Если бы армейские управления работали как положено, то командование 5 гв. ТА знало бы, что 6 тд ниоткуда не подходила (как указано в цитированном выше донесении), а с 6 июля 1943 г. действовала

¹ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 461. Л. 65.

² ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 461. Л. 65.

³ Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943. A Statistical Analysis. London, 2000. Table A6.7, A6.8, A6.9.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 461. Л. 62.

⁵ Там же. Л. 63.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 426. Оп. 10765. Д. 13. Л. 10.

против 7 гв. и 69 А. И имела она утром 14 июля всего 14 танков.¹ В то же время, завышенные данные были выгодны нашим генералам. Плохую организацию боя, неустойчивость войск, да и просто ошибки, они списывали на превосходство неприятеля, в первую очередь в бронетехнике.

В силу перечисленных причин, в документах 5 гв. ТА численность группировки врага южнее Прохоровки оценивается, как и предположил П.А.Ротмистров в разговоре с Н.Ф.Ватутиным – 300 танков, хотя в действительности их там было в три раза меньше, как и отметила фронтовая разведка. Чёткого объяснения этой цифре нет, но упомянутые в «Отчёте...» 16 мд, 17 тд и тд «Викинг», должны были эту цифру укрепить.

В практике работы советских армейских штабов существовало твёрдое правило: если нет пленных или документов, наличие того или иного вражеского соединения перед фронтом своих войск считать лишь предположением. Ни одна из перечисленных дивизий в период оборонительных боёв не была зафиксирована объективными средствами контроля не только перед 5 гв. ТА, но и другими войсками. Фронтовая радиоразведка однажды перехватила работу радиостанции 16 мд в полосе фронта. Но это не являлось очевидным подтверждением. Опергруппа этого соединения действительно появилась здесь после 12 июля для подготовки ввода дивизии в бой, но изменившаяся обстановка нарушала планы врага. Поэтому присутствие всех трёх дивизий так и осталось предположением. Командование 5 гв. ТА знало об этом, но, тем не менее, включило их в свой отчёт о сражении под Прохоровкой, для придания ему масштаба. Этот факт, как и утверждение П.А.Ротмистрова о действии против его армии мд «Великая Германия» и 11 тд с полной уверенностью можно отнести к сознательному мифотворчеству командарма.

Вновь обратимся к «Отчёту...», какое же количество техники 5 гв. ТА, по мнению её руководства, противостояло немецкому бронированному кулаку из 700-800 боевых машин. «Всего армия с приданными корпусами (2 тк и 2 гв.тк - В.З.) имела 793 танка» - указано в нём.² Проведенный анализ донесений частей и соединений даёт иную цифру - 808 исправных танков.³ Но упрекать составителей документа не следует, погрешность незначительная и, вероятно, связана с несовершенством учёта бронетехники переданной из ремонтных служб в войска.

Следовательно, если сложить обнаруженные штабом 5 гв.ТА 800 немецких танков с таким же количеством советских (793) и отнять 100 танков, направленных утром 12 июля 1943 г. на юг, для блокирования прорыва 3 тк, то получатся указанные в «Отчёте...» 1500 боевых машин. При этом, следует обратить внимание на важную деталь: если по данным РО фронта и докладной Н.С. Хрущёва почти 1000 танков вели бои под

¹ Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943. A Statistical Analysis. London, 2000. Table A6.7.

² ЦАМО РФ. Ф. 5 гв. ТА. Оп. 4948. Д. 19. Л. 6.

³ Zamulin V. Demolishing the myth. The tank battle at Prokhorovka, Kursk, July 1943: an operational narrative. Helion&Compani Ltd. 2011. Table 21.

Прохоровкой в двух районах, расположенных один от другого на расстоянии 18-20 км, то штаб 5 гв. ТА свёл все 1500 бронеединиц в одно место, на небольшое поле (5x12 км) юго-западнее станции густо изрезанное не проходимыми для бронетехники оврагами, получившее после войны название «танковое».

Так формировались истоки двух версий о численности бронетехники участвовавшей в сражении, назовём их – «фронтовая» и «армейская». Но если первая возникла естественным путём и отражала реальную действительность, то причина появления второй не совсем ясная: «Зачем командованию 5 гв. ТА понадобилось через месяц раздувать масштаб сражения и указывать немислимое число танков там, где их не могло быть?». Что бы разобраться, следует обратиться к обстановке, сложившейся после Прохоровского сражения.

В ходе контрудара 12 июля 1943 г. войскам Воронежского фронта не удалось выполнить поставленных задач. Более того, его ударное объединение - армия Ротмистрова, примерно за 10-11 часов лишилась более 50% техники введенной в бой. А к завершению оборонительной операции, 16 июля 1943 г, она оказалась фактически обескровлена: только сгоревших числилось 334 бронеединицы и более 200 - в ремонте¹. Для выяснения причин столь высоких потерь из Москвы прибыла комиссия во главе с секретарём ЦК ВКП (б) Г.М. Маленковым. Расследование продолжалось две недели, затем её выводы легли на стол И.В. Сталину. Ставился вопрос об отстранении командарма от должности и придании суду. Его судьба висела на волоске до конца июля, когда стараниями начальника Генштаба Маршала Советского Союза А.М. Василевского гнев Верховного Главнокомандующего удалось погасить, а в конце августа генерал был удостоен ордена Кутузова 1 степени за участие в Курской битве. Тем самым вопрос: «Как оценивать события под Прохоровкой?» фактически решился: считать сражение победоносным, на потерях внимание не акцентировать.

Лишь после этого был написан, упомянутый выше «Отчёт...». Он имел два варианта, предварительный, который в августе был направлен в штаб командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии (БТ и МВ КА), и окончательный, утверждённый 30 сентября 1943 г. Принципиального различия в них, относительно рассматриваемого вопроса, нет. Первый был лишь более кратким. Это типовой для штаба армии документ, который готовился после завершения определенного периода боёв. Его главная задача: обобщить опыт и довести вышестоящему командованию предложения по совершенствованию боевой работы войск. Одновременно, он был уникальным средством, позволявшим командованию, не опасаясь последствий (непосредственно влиять на текущую боевую работу он уже не могли) представить свои войска (а значит и себя) в лучшем свете перед

¹ Zamulin V. Demolishing the myth. The tank battle at Prokhorovka, Kursk, July 1943: an operational narrative. Helion&Compani Ltd. 2011. Table 28.

вышестоящим руководством и «поставить дымовую завесу» над просчётами и ошибками, допущенными в это время.

Всё это было и в «Отчёте...», но в меру. П.А. Ротмистров тоже попытался использовать этот канал информации, что бы сгладить негативное впечатление от контрудара под Прохоровкой. Но не перечисление сотен подбитых танков и уничтоженных немецких солдат, как делали другие, а созданием образа грандиозного сражения, в котором армия разгромила небывалую по численности танковую группировку. Поэтому, не случайно в документе дважды упоминаются 1500 танков. Первое упоминания цитировалась выше, а второе – находим в разделе «Выводы», хотя оно было там явно не к месту. Причём, чтобы подчеркнуть масштаб происходившего офицеры штаба использовали нетипичную для военных лаконичную лексику, а слова и выражения из арсенала органов пропаганды: *«12 июля с.г. произошло величайшее в истории Отечественной войны танковое сражение в сквозной атаке, которого участвовало до 1500 танков с обеих сторон. Нанеся огромный урон противнику в людях и технике, и задержав дальнейшее продвижение врага, частям армии пришлось в течение некоторого времени вести оборонительные бои»*.¹ В целом же, документ вполне соответствовал предъявлявшимся в то время требованиям, без явных перекосов и откровенных славословий. Это и понятно, для составителей была важно, чтобы профессионал, который будет его читать, воспринял, прежде всего, главную мысль – «армия понесла огромные потери, не по вине командования, а потому, что участвовала в небывалом сражении и победила». Для этого необходимо, чтобы идея не потерялась в массе информации и проходила красной линией от начала документа и до его завершения.

Но почему именно «армейский» вариант, а не «фронтовой» был принят за основу советскими историками? Сработала военная система делопроизводства, с характерными для неё секретностью и особыми требованиями к документообороту. Донесения РО фронта и докладная Н.С. Хрущева, как документы иного (оперативные), чем «Отчёт...» характера, сразу «осели» в военном архиве на долгие годы. Фонды штаба Воронежского фронта в ЦАМО РФ, где хранилось донесение РО, были рассекречены в 1993 г., а письмо И.В. Сталину опубликовано впервые в 2007 г. «Отчёт...» же 5 гв. ТА поступил в штаб БТ и МВ КА уже в августе 1943 г. в отдел по изучению и использованию опыта Отечественной войны. Эти структуры были сформированы в штабах в 1943 г. для обобщения, изучения и доведения до командного состава армии успешных приёмов ведения боя и управления войсками. Офицерам, служившим в них, предписывалось на основании отчётов соединений и объединений готовить аналитические материалы для дальнейшего использования их в статьях, публиковавшихся в журналах

¹ ЦАМО РФ. Ф. 5 гв. ТА. Оп. 4948. Д. 19. Л. 20.

родов войск и «Сборнике Генштаба по изучению опыта войны» («Сборник...»), а так же в академиях для подготовки лекций и семинаров.

В конце августа заканчивался летний период боёв и штаб БТ и МВ КА был обязан оперативно опубликовать анализ боевой работ войск. Поэтому 10 сентября 1943 г. начальник отдела по изучению и использованию опыта Отечественной войны в штабе БТ и МВ КА полковник Г. Сапожков направляет начальнику одноименного отдела Генштаба генерал-майору П.П. Вечному две статьи, в том числе и материал «*Июльская операция 5 гвардейской таковой армии на Белгородском направлении*».¹ В её основу лёг «Отчёт...», из которого в статью перекочевала и цифра 1500 танков. А чуть позже, 31 октября, генерал П.П. Вечный этот же материал и черновой вариант статьи полковника Гончарова «Танковые войска в современной оборонительной операции» (где тоже использовались данные «Отчёта...»), направил заместителю начальника Военной академии бронетанковых и механизированных войск, в которой готовили старший командный состав, для использования на кафедре высших соединений.²

Все перечисленные статьи были напечатаны в конце 1943 и в 1944 г. И хотя «Сборники...» не поступали в широкую продажу и в публичные библиотеки, информация, подготовленная лишь для высшего командного состава, стала доступна значительно большей аудитории – практически всем старшим офицерам и генералам. Таким образом, эти данные вышли за пределы секретных каналов информации и, на их основе, был создан фундамент мифа, которым не только десятилетиями потчевали всю страну, но и в академиях учили воевать офицеров.

Могли ли офицеры Генштаба и штаба БТ и МВ перепроверить информацию из «Отчёта...» и не допустить её распространение? Безусловно. В начале августа 1943 г. в Генштаб поступил отчёт о действиях армии с 7 по 24 июля 1943 г. майора Черник, офицера Генштаба при штабе 5 гв. ТА.³ В нём тоже даётся высокая оценка действиям войск Ротмистрова и результатам боя 12 июля 1943 г., но ни о каком грандиозном сражении с привлечением 1500 танков там не упомянуто. Эти материалы были доступны всем сотрудникам, в том числе и отдела генерала Вечного. Их мог запросить и отдел полковника Г. Сапожкова. Но в обязанности их офицеров не входила перепроверка данных армий и фронтов. Информация из них априори считалась правдивой и сразу использовалась в работе. Хотя другие отделы Генштаба, напрямую связанные с войсками, часто перепроверяли донесения. Отсутствие «фильтра» для отсева всяких небылиц в отделах полковника Сапожков и генерала Вечного явилось одной из главных причин продвижения мифа о 1500 танков в научную среду (в академию БТ и МВ), и средства массовой информации.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3416. Оп. 1. Д. 16. Л. 36.

² ЦАМО РФ. Ф. 3416. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

³ ЦАМО РФ. Ф. 5 гв. ТА. Оп. 4948. Д. 51. Л. 1-27.

Рассчитывало ли командование 5 гв. ТА, что эта цифра станет столь востребованной и будет использована так широко? Думаю, нет, вначале задача была сугубо утилитарная, и только потом пришло осознание выгоды ситуации. Поэтому лишь годы спустя, генералы, причастные к сотворению легенды, начали настойчиво поддерживать и популяризировать её в своих книгах, статьях и выступлениях.

Не менее интересной оказалась и технология внедрения мифа в широкие массы. В ряде публикаций встречается утверждение о том, что широкая советская общественность узнала о Прохоровке из работы полковника И.И. Маркина «Курская битва»¹, опубликованной в 1953 г. Однако, это не совсем так. Первой книгой, ставшей доступной гражданской аудитории, в которой подробно излагался ход Курской битвы, и события под Прохоровкой, стала работа группы военных историков Генштаба «Битва под Курском. Краткий очерк»², напечатанная в 1945 г. В её основу легли всё те же материалы, поступившие в Генштаб в 1943 г. Поэтому сражение у Прохоровки оценивалось как «невиданное по своему размаху», с участием 1500 танков.³

Исследование же И.И. Маркина позволило донести миф до значительно большей аудитории. Книга офицеров Генштаба ни разу не переиздавалась, а труд И.И. Маркина публиковалась дважды большими тиражами. Причём, второе издание вышло в 1958 г., в момент, когда в СССР начался бурный процесс изучения минувшей войны, в том числе, и гражданскими историками. В это время руководство страны впервые приняло решение о подготовке фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны в шести томах. Кроме того, к моменту появления книги И.И. Маркина библиография о Курской битве была очень скудной, архивы закрыты, поэтому информация из неё имела широкое распространение в литературе и СМИ.

За рубежом интерес к истории минувшей войны и к работам советских учёных о ней в это время тоже был очень высок. Определенная открытость СССР в период «хрущёвской оттепели» способствовала тому, что ряд изданий советских авторов попали на запад, в том числе и книга И.И. Маркина, как единственная наиболее массовая на тот момент работа, подробно освещавшая события лета 1943 г. Именно из неё впервые узнал западный читатель и цифру 1500 танков.

Дальнейшее развитие легенды напрямую связано с П.А. Ротмистровым. Во-первых, в 1960 г. вышли его воспоминания об участии в боях под Прохоровкой, в которых фигурировали данные из «Отчёта...». Авторитет маршала был высок и, кроме того, он очень высоко оценивал деятельность генерал-лейтенанта Н.С. Хрущёва (в ту пору уже главы государства) в ходе

¹ Маркин И.И. Курская битва. М.: Воениздат, 1953.

² Замятин Н.М, Болдырев П.С, Воробьёв Ф.Д, Артемьев Н.Ф, Паротькин И.В. Битва под Курском Краткий очерк. М.: Воениздат, 1945.

³ Там же. С. 20.

сражения, поэтому, хотя это была и небольшая брошюра, она дала новый толчок к распространению мифа, т.к. её начали части публиковать в разных изданиях. Поэтому не случайно, когда встал вопрос об освещении событий 12 июля 1943 г. в очередном томе «Истории Великой Отечественной войны» его редакция использовала и мемуары бывшего командарма. Причём, как рассказывал автору этой работы Г.А. Колтунов (член авторского коллектива 6-томной истории), для редколлегии шеститомника было очень важно, что в его работе, как и материалах Генштаба, публикациях второй половины 40-х и 50-х гг., совпадала оценка сражения и фигурировала одна и та же цифра – 1500 танков. Это расценивалось как главное подтверждение её правдивости. В 1964 г., пройдя за 20 лет через основные каналы массовой информации СССР, миф созданный штабом 5 гв. ТА, и несколько подправленным, был включен в третий том «Истории Великой Отечественной войны». Тем самым, получил статус официальных данных. Поправки оказались незначительными. Вместо «величайшего в истории отечественной войны» бои 12 июля 1943 г. назвали скромнее – «одно из самых напряжённых танковых сражений Великой Отечественной войны», при этом цифра 1500 осталась неизменной.¹

Во-вторых, в начале 1960-х гг. сложилась группа высокопоставленных военных, которым не нравилась активность П.А. Ротмистрова по собственному прославлению таким сомнительным способом как навязывание обществу дутых оценок и цифр. Это были уважаемые в армии и народе люди, мнение которых было трудно не учитывать. Например, Маршал Советского Союза Г.К.Жуков писал, что второстепенные по размаху боевые действия у станции получили широкую известность лишь стараниями П.А. Ротмистрова и призывал его быть скромнее.²

Почувствовав серьёзное недовольство среди соратников, и понимая, что их упрёки справедливы, П.А. Ротмистров в 1963 г. попытался сгладить остроту ситуации, скорректировав цифру с 1500 на 1200. В интервью «Военно-историческому журналу», он снижает численность танков своей армии, участвовавших в бою юго-западнее Прохоровки, с 800 до 500. Как и раньше, командарм утверждал, что здесь враг ввел в бой до 700 танков, а «войска первого эшелона 5 гв. ТА, сражавшиеся непосредственно с этой группировкой, имели в своём составе немногим более 500».³ Следовательно, в этом районе должно было быть уже не 1500, а 1200 боевых машин. Но в «Отчёте...» армии написано, что всего обе стороны имели более 1600 бронеединиц, из них 100 были направлены южнее Прохоровки (левый фланг армии), а где же ещё 300?

Чтобы не опровергать уже растиражированную цифру, П.А. Ротмистров выдвинул новую легенду о том, «*что второй эшелон и резерв армии был задействован для ликвидации угрозы обхода противником обоих флангов*». Следовательно, эти три сотни машин он выдвинул на свой правый

¹ История Великой Отечественной войны. Т. 3. М.: Воениздат, 1964. С. 271.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М.: Новости, 1990. С. 57.

³ Рассказывают командармы // Военно-исторический журнал. 1963. №7. С. 77.

фланг (севернее станции). Действительно, в течение 12 июля 1943 г. на оба фланга были направлены 234 танка. Но как же быть со следующими фактами? Во-первых, в «Отчёте...» о выдвижении этих сил было упомянуто, и, тем не менее, почему в нём ясно указано, что юго-западнее станции непосредственно в бою участвовали 1500 танков? Во-вторых, если согласиться с данными, приведенными в интервью, то на правый фланг должны были уйти 300 танков. Но это противоречит «Отчёту...», где написано, что в этот район вечером прибыли две бригады,¹ имевшие 92 танка. А где же ещё более 200? Учитывая, что документы, использованные в данной статье, были секретны, а бывшему командарму было необходимо выйти из щекотливой ситуации, сохранив лицо, он не гнушался никакими уловками и не опасался, что кто то сможет его опровергнуть фактами.

В результате, с 1964 г., когда вышел 3-й том «Истории Великой Отечественной войны», сложилась запутанная ситуация. В литературе и прессе широко начали использовать цифру 1200, хотя официально уже была названа – 1500. Игнорировать это было уже невозможно. Поэтому руководству, созданного в 1966 г., Института военной истории было «рекомендовано»: миф о Прохоровке «осовременить», иными словами, не отвергая обе цифры, как то их объяснить. Решить эту не простую задачу было поручено Г.А. Колтунову, в ту пору научному сотруднику института.

В книге о Курской битве, которая была подготовлена им вместе с начальником отдела института Б.Г. Соловьёвым, и увидела свет в 1970 г., он попытался найти компромисс между основными версиями. Он разделил группировку немцев в 700 танков, указанную в «Отчёте...», на два района. Якобы это была общая численность 2 тк СС, атаковавшего с юго-запада (до 500 танков) и 3 тк (до 200), который двигался с юга. А также, отмёл утверждение об участии в боях за Прохоровку дивизий 48 тк. Была отвергнута и версия о действиях сотен боевых машин на правом фланге армии. Это должно было умерить пыл противников П.А. Ротмистрова. В то же время, он не изменил число танков 5 гв. ТА (793), лишь уточнил, что до 700 - действовали на «танковом поле», а 100 - южнее станции. Этот подход вызвал недовольство бывшего командарма, но всё сгладили последние слова Г.А. Колтунова: *«Таким образом, юго-западнее Прохоровки с обеих сторон приняло участие в сражении до 1200 танков и самоходных (штурмовых) орудий, а южнее Прохоровки – до 300. С учётом обоих районов в танковом сражении западнее и южнее Прохоровки приняло участие до 1500 бронеединиц».*²

Книгу высоко оценили советские «компетентные органы» и с тех пор обе цифры получили официальное одобрение. Так завершилось формирование «канонического» мифа о Прохоровке и возникла его «обновленная» версия, которая продолжает в той или иной мере

¹ ЦАМО РФ. Ф. 5 гв. ТА. Оп. 4948. Д. 19. Л. 9.

² Колтунов Г.А, Соколов Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С. 174.

присутствовать в исследованиях и публикациях историков до сегодняшнего дня.

Замулин В.В.

О МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ ВОЙСК ВЕРМАХТА В ПРЕДДВЕРИИ И ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ КУРСКОЙ БИТВЫ

*«Там [на Восточном фронте] мы находились
в положении человека, который схватил
волка за уши и пытается не дать ему
вырваться.»*

Ф. фон Меллентин, генерал вермахта

1943 год стал переломным для армии нацистской Германии. В Сталинграде вермахт лишился около миллиона солдат и уже в середине февраля его войска были отброшены более чем на 1000 км от волжской твердыни. По своим масштабам это было наиболее крупное поражение за весь период Второй мировой войны. Оно явилось катализатором процесса распада «Оси» и потери оккупированных территорий в Северной Африке и Италии, в то время как немецкие города продолжали превращаться в руины под бомбами союзников. Всё это не могло не сказаться на морально-психологическом состоянии войск, армия начала деградировать.

Вера в победу является фундаментом морально-психологического состояния солдата на войне. Поэтому, важно понять, когда личный состав германской армии утратил веру в победоносное завершение войны. Определив это, можно будет выявить другие фундаментальные факторы, которые «спаивали» вермахт в единое целое. Понять, что превращало нормальных жителей одной из самых высокоразвитых стран мира с богатейшей культурой в фанатичных убийц.

Первыми, начали сомневаться в возможности успешного окончания «Восточного похода» старшие офицеры и генералы. Поскольку они имели относительно объективное, и главное не испорченное пропагандой представление о ситуации на фронтах, а, следовательно, перспективах войны.

Как свидетельствует анализ мемуарной литературы, а также иных источников, первыми начали осознавать несбыточность авантюры по завоеванию мирового господства генералитет люфтваффе. Представители рода войск наиболее восприимчивого к непрофессионалам. Так, понимая, что Гитлер ведет Германию в тупик и, не имея возможности влиять на ситуацию, в ноябре 1941 г. покончил с собой генерал-инспектор люфтваффе генерал-полковник Э. Удет, отвечавший за проектирование и производство техники в авиации III Рейха. В августе 1943 г., также понимая бессмысленность дальнейшего продолжения войны, застрелился начальник штаба люфтваффе генерал-полковник Г. Ешоннек. Г. Гудериан, так описывал его состояние за несколько месяцев до смерти: *«Я увидел усталого, разочарованного человека, находящегося в страшно подавленном состоянии.... Вскоре после этого, в*

августе 1943-го, доведённый до полного отчаяния гневом Гитлера и Геббельса из-за поражений немецкой авиации, Ешонек покончил с жизнью, последовав, таким образом, за своим товарищем, Удетом – последний принял такое же отчаянное решение в ноябре 1943-го, поскольку не видел другого выхода из ситуации, разрываясь между выполнением своего военного долга и бездействием и некомпетентностью Геринга»¹.

С начала 1943 г. многие офицеры на фронте под воздействием ухудшающейся обстановки на фронте стали сомневаться в правильности выбранного пути и высказывать мнения о некомпетентности и бездарности высшего политического командования. Это свидетельствовало если не об утере веры в победу, то, как минимум, о начале этого процесса. Причем, с каждым месяцем недовольство только усиливалось. В апреле был смещён со своего поста, а затем и арестован за высказанные в письме брату обвинения в бездарности Верховного командования, Гитлера и его окружения, командующий 2 ТА, генерал-полковник Р. Шмидт. А примерно за неделю до ареста Шмидта, был взят под стражу, уличённый в передаче секретных сведений французам, занимавший высокий пост в рейхе, его брат, который позже отравился ядом в тюрьме².

Вот как излагает начальник штаба 48 тк генерал Ф. Меллентин мнение штабных офицеров группы армий «Юг» об детище фюрера – операции «Цитадель»: *«К середине июня фельдмаршал фон Маништейн и все без исключения его командиры соединений пришли к выводу, что осуществление операции «Цитадель» является безумием. Маништейн решительно настаивал на отказе от наступления, но его не желали слушать. Наступление, в конце концов, было назначено на 4 июля. Для Соединённых Штатов это был праздник Дня Независимости, а для Германии – начало конца»³.*

По свидетельству английского историка Р. Кросса, в мае 1943 г., во время после встречи с турецкой делегацией под Харьковом, командир 7 танковой дивизии генерал-майор Г. фон Функ открыто заявил, что *«Германия уже проиграла эту войну, немцы взяли слишком непосильную задачу»⁴.*

Многие высшие офицеры не только высказывали своё недовольство руководством Рейха, но и предпринимали шаги, направленные на ограничение власти Гитлера, и даже на его уничтожение. С предложением о начале заговора против главнокомандующего обращался к Г. Гудериану, фельдмаршал фон Клюге. Вот как вспоминал об этом инспектор бронетанковых войск Рейха: *«Непосредственно перед операцией («Цитадель» – авт.) ко мне пришёл генерал фон Тресков, бывший старший*

¹ Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во второй мировой войне. М., 2009. С. 334-335.

² Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944-1951 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М., 2009. С. 526.

³ Меллентин Ф. Бронированный кулак Вермахта. Смоленск, 1999. С. 322.

⁴ Кросс Р. Операция «Цитадель». Смоленск, 2006. С. 133.

оперативный офицер фельдмаршала фон Клюге. Он сказал, что явился по поручению фельдмаршала. Последний хотел известить меня о том, что готов пойти на примирение, если я сделаю первый шаг. После этого он предлагал мне вместе работать над ограничением власти Гитлера как Верховного главнокомандующего вооружёнными силами. Я знал ненадёжность характера фельдмаршала фон Клюге и потому отказался от такой перспективы»¹. Данный факт наглядно свидетельствует, о принципиальном расколе в высшем командном звене вермахта. Так как трудно поверить, чтобы люди, верившие в идеи Гитлера и успешный исход войны, решились на государственный переворот, а лишь только так можно было ограничить власть Гитлера. Результатом этого конфликта в среде военного и политического руководства Германии, который существенно усилился после разгрома под Курском, станет покушение на фюрера 20 июля 1944 г.

Младший офицерский и рядовой состав вермахта был в значительно большей степени подвержен воздействию идеологической машины рейха и не имевший объективных данных о положении на фронтах, начал терять веру в победу на Востоке довольно быстро после разгрома под Сталинградом. Однако настоящим «Рубиконом» стала Курская битва, открывшая большей части из них глаза на истинное положение дел.

Ценным источником, по данной проблеме, являются дневниковые записи военнослужащих вермахта, поскольку они априори не содержат в себе внешней цензуры и максимально точно отражают их взгляды. Они позволяют увидеть то, как менялось представление о перспективах войны, политическом руководстве и нацистской партии на фронте. Ярким примером подобного документа, может служить дневник офицера Вермахта К.Ф. Бранда, в котором есть интересные для нас записи: *«1.7.1943. Мы ещё долго не оправимся от зимних потерь. Крупные военные действия с нашей стороны вряд ли возможны. Так как во всём ощущается недостаток. К тому же англичанин разрушает один немецкий город за другим. Положение в самой Германии тяжёлое. На улучшение его надеяться трудно. А теперь она (нацистская диктатура - авт.) стоит накануне банкротства и не знает, что делать.*

6.07.43. Офицеры из дивизии СС удивляются пессимизму, царящему в нашей дивизии. Они при этом всегда забывают о том, насколько лучше по сравнению с нами условия, в которые они поставлены. Сам вид их возбуждает у наших уставших, измотанных солдат чувство подлинной классовой ненависти. В наших войска входят жалкие остатки, которые ещё можно было наскрести в Германии... Притом они пьют, курят а наши солдаты часто самым настоящим образом голодают...

¹ Гудериан Г. Указ соч. С. 344.

1.08.43. Только необходимость и сознание долга поддерживает нас. Отчаяние придаёт нам несокрушимую силу. Как счастливы погибшие в Польше и во Франции – они верили в победу...

15.8.43. Хорошая погода настраивает людей на мысли о мире. Мне редко приходилось слышать так много слухов и предположений, как сейчас...

16.8.43. Опять меня берёт безумная злоба, которая переходит даже в ненависть к правителям. Бедный наш народ...

24.8.43. Страдания достигают необычайных размеров, а правительство вынуждено взирать на это в бездействии. Вот Германия после десяти лет национал-социалистического строя и после четырёх лет войны...

4.9.43. Хотя фронт ещё держится, но всё принимает бегства... Наша боевая сила пропала, а русский день от дня становится всё сильнее. Генерал только за сегодняшний день предал полевому суду 9 человек из нашего батальона, которые трусливо убегали. Убегали от русских. Куда мы пришли на пятый год войны!...

27.08.43. Батальон растаял, кажется, всюду захватили руководство бездарности»¹.

Приведённая цитата, во-первых, ярко демонстрирует антагонизм во взаимоотношениях между военнослужащими вермахта и СС, во-вторых, в ней наглядно проявляются факторы, подрывавшие их веру в победу Рейха. Это и плохое снабжение, и бытовая неустроенность, и бомбардировка городов, и бездарность политического руководства, ведущего Германию в пропасть, и усиливающаяся мощь Красной армии – приводили офицерский и солдатский корпус к осознанию того, что III Рейх обречён.

Ещё одно важное свидетельство разложения германской армии на восточном фронте начало активно проявляться во второй половине 1943 г., это рост перебежчиков немецкой национальности, в том числе, что очень важно, офицеров. Так, например, уже в ходе Курской битвы, 8 июля 1943 г., на сторону Красной Армии перешёл командир 2 батальона 11 мотополка 9 тд старший лейтенант, член НСДАП Г. Франкельфельд. На допросе он показал, что после того, как дивизия получила приказ перейти в наступление, многие офицеры пали духом, а он решил перейти на сторону Красной армии².

¹ Дневник немецкого офицера // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 15-24.

² ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6081. Д. 54. Л. 19-21.

Этот переход активно использовался советской стороной в пропагандистских целях. Обращение старшего лейтенанта было напечатано в ряде центральных газет Советского Союза – «Красная Звезда», «Комсомольская правда» и других. Все эти публикации были рассчитаны, в первую очередь, на внутреннюю аудиторию, советских граждан, которые крайне нуждались в позитивной информации с фронтов. Тем не менее, этот эпизод активно использовался и в работе офицеров-пропагандистов на передовой.

Если обратиться к основной массе личного состава солдат и унтер-офицеров, то интересную картину их морально-политического состояния дает анализ протоколов допросов пленных и перебежчиков. С целью выявления факторов, влиявших на падение морального духа военнослужащих германской армии, в частности, групп армий «Центр» и «Юг», в преддверии Курской битвы мной были проанализированы документальные источники – протоколы допросов военнопленных за период с мая по октябрь 1943 г¹. хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны РФ. Всего было проанализировано 52 документа, в которых зафиксированы ответы на 64 вопроса о морально – политическом состоянии подразделений, в которых они служили. Информация в 12 ответах относилась к периоду с мая по 6 июля 1943 г. и 52 - с 6 июля по октябрь 1943 г.

В подавляющем большинстве протоколов присутствовал вопрос о настроении в подразделениях. Однако систематизировать ответы оказалось крайне сложно, поскольку определённого шаблона-ответа не существовало, и каждый военнопленный и перебежчик отвечал на вопросы не конкретно и очень расплывчато. Собранная в протоколах информация делилась на следующие категории:

«пораженческое настроение» подразделения - если пленный свидетельствовал, что в его роте или взводе более 50% военнослужащих не верят в победу Германии;

«подавленное настроение» - если отвечавший показывал, что от 40 до 50% солдат и унтер-офицеров не верят в успех войны;

«хорошее состояние» - если пленный утверждал, что в его подразделении 30% личного состава считают войну бесперспективной;

если пленный или перебежчик указывал, что только 10% сослуживцев настроены пораженчески, то ответ входил в категорию с *«боевым настроением»*.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 392. Д. 13. Л. 197-об-198-об.; Ф. 361. Оп. 6081. Д. 53. л. 258, 306-308, 399-340-об.; Д. 54. Л. 1-16-об., 18-21, 24-46, 48-52-об., 54-58, 64-65, 68-70-об., 75; См. подробнее: Замулин В.В. Морально-политическое состояние войск вермахта в районе Курской дуги накануне, в ходе и после операции «Цитадель» // Белгородский диалог-2012. Сборник избр. науч. трудов / ответственный редактор С.Н. Прокопенко. Белгород, 2012. С. 137-144.

Все ответы на вопрос о морально – политическом состоянии были систематизированы в приведенной ниже таблице:

Морально – политическое состояние войск перед Курским выступом с апреля по сентябрь 1943 г.						
морально – политическое состояние (настроение)		0.4 - 6.7.1943 г.		6.7-30.9.1943 г.		динамика в % с апреля по сентябрь
		кол-во ответов	% от общего числа ответов	кол-во ответов	% от общего числа	
неудовлетворительное	пораженческое	2	16,6	11	21,1	+9%
	подавленное	3	25	28	53,8	+28,8%
	всего ответов о неудовлетворительном состоянии	5	41,6	39	74,9	+33,3%
удовлетворительное	хорошее	6	50	11	21,1	-28,9%
	боевое	1	8,3	2	3,8	-3,5%
	всего ответов об удовлетворительном состоянии	7	58,3	12	24,9	-33,4%
Всего ответов		12		52		

Данные таблицы наглядно свидетельствуют, что за полгода морально-политическое состояние рядового и унтер-офицерского состава двух наиболее мощных объединений вермахта на советско-германском фронте резко ухудшилось. Только подавленное настроение возросло на треть, наблюдается существенный прогресс и пораженческих настроений. Если анализировать процесс в развитии, то окажется, что во время и после Курской битвы морально - политическое состояние войск противника заметно ухудшилось. Если до 6 июля 1943 г. больше половины военнослужащих верили в победу Рейха, то после начала операции «Цитадель» таковых набралось лишь четверть. Таким образом, учитывая, что эти сведения получены все-таки от военнопленных, тем не менее, можно предполагать, что на третий год войны каждый четвертый солдат шёл в бой с верой в победу Германии.

Следует подчеркнуть, что информация из большинства протоколов во многом подтверждаются и данными из сводных справок-докладов о состоянии войск противника, подготовленных разведотделом 13А¹, в которых использовался более широкий круг источников.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6081. Д. 53. Л. 263, 303-об.

Кроме того, протоколы допросов позволяют выявить ряд важных факторов, разрушавших веру немецких солдат в победу:

1. Регулярные бомбардировки немецких городов союзной авиацией. В захваченных на поле боя письмах родные солдат сообщали об огромных разрушениях, наносимых дальней авиацией Великобритании и США. Влияние этого фактора особенно прослеживается на подавленное состояние солдат и унтер-офицеров из Западной Германии, поскольку именно эта территория подвергалась наиболее интенсивным бомбардировкам. Так, в секретном докладе службы безопасности СС о внутриполитическом положении от 11 января 1943г. отмечается: *«На западе Рейха продолжают вражеские террористические воздушные налёты, влияющие на настроение населения. Воздушные налёты... произвели большое негативное впечатление на население»*¹.

2. Трудности с продовольствием в Германии⁵ и осложнение со снабжением действующей армии. Во многих письмах с родины говорилось, о серьёзных перебоях в снабжении населения продуктами питания и товарами первой необходимости. Наряду с масштабными разрушениями промышленности и жилых кварталов эти сообщения рождали у солдат сомнения в экономической возможности войны на Востоке. После провала авантюрного плана обеспечения армии с захваченных территорий, вермахт стал испытывать серьёзные проблемы с продовольствием. Как пишет в своём дневнике лейтенант К.Ф. Бранд летом 1943 г.: *«наши солдаты часто самым настоящим образом голодают...»*². И это не единственный источник, свидетельствующий о трудном положении войск вермахта.

3. Поражения на юге советско-германского фронта и в Северной Африке³. В протоколах допросов значительной части перебежчиков и солдат, захваченных в плен в районе Курской дуги весной и в начале лета 1943 г., отмечается, что личный состав дивизий групп армий «Центр» и «Юг» страшит мысль повторения Сталинградской трагедии под Орлом и Белгородом. Поражение группировки Роммеля, эвакуация германо-итальянских войск из Туниса, а чуть позже и высадка союзников в Сицилии были восприняты, как наглядное свидетельство падения мощи Германии, которую до этого, ведомство Геббельса, именовало не иначе как «непобедимый» и «тысячелетний Рейх».

4. Затягивание войны⁴. Существенное влияние на падение настроений военнослужащих оказывала затяжка войны. В первую очередь, это отмечается у солдат и унтер-офицерского состава, особенно старших возрастов. Апатия, жалобы на отсутствие перспективы окончания войны и безразличие к судьбе Рейха – характерная деталь практически протоколов

¹ Широкоград А.Б. Германия под бомбами союзников. 1939-1945 гг. М., 2008. С. 91.

² Дневник немецкого офицера // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 15-24.

³ ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6081. Д. 53. Л. 303, 343.

⁴ Там же. Л. 303.

допросов пленных.

5. Активные действия советской пропаганды. В 1943-1944 г. наблюдается существенное усиление советской пропаганды, направленной на рядового солдата вермахта и повышение её эффективности. Советская сторона с большим мастерством использовала в этом деле изменения на фронтах и трения в стане союзников Германии.

6. Изменение качественного состава вермахта. Процесс падения морального духа войск усиливался высокими потерями наиболее подготовленного и получившего боевой опыт личного состава всех родов войск в тяжелейших боях 1941-1942 г. Уже с первых дней Великой Отечественной войны германская армия столкнулась с мощным сопротивлением Красной Армии и населения, которое постоянно нарастало, чего не было в Европе. С каждым месяцем росли и потери в живой силе, которые восполнять становилось всё труднее. К концу 1942 г. костяк вермахта, прошедший боевую школу при оккупации европейских государств и в первый год войны с Советским Союзом, в значительной части вышел из строя. Германия была вынуждена призывать даже в элитные части полевых войск СС не добровольцев и представителей нордической расы, а поляков, чехов, а в вермахт – даже славян – русских коллаборационистов и демонстрировавших открытую неприязнь к немцам эльзасцев и лотарингцев. Немецкое командование понимало, что это «размывание» костяка действующей армии и возникновение внутри войск напряжения и трений влияет на их боевой дух, но изменить положение было не в силах.

В больших масштабах, чем в вермахте, рост дезертирства в это время начал отмечаться в войсках союзников Германии, а также в военных формированиях коллаборационистов. Последние, после разгрома группировки Паулюса, окончательно вступили в фазу распада. Одним из ярких свидетельств этого является случай, произошедший в ночь с 13 на 14 сентября 1943 г. Предварительно перебив 60 офицеров и унтер-офицеров, на советскую сторону перешло две роты (360 человек) 389 отдельного Туркестанского батальона. Рядом с батальоном стояло два венгерских полка, которые всё видели, но никак не препятствовали переходу¹. Стремительное падение веры в победу Рейха, войск союзников в 1943 г. признают в своих воспоминаниях немецкие генералы. Так, Л. Рендулич, Г. Рундштедт отмечали, что разгром германского блока на среднем и верхнем Дону: *«отрицательно сказались не только на боеспособность немецких и союзных войск, но и на настроении народов Германии, Италии, Венгрии и Румынии...»*². Более того, немецкие генералы пишут: *«Кольцо блокады Ленинграда было прорвано с суши. Известие об этом глубоко потрясло финнов, а катастрофа под Сталинградом навсегда поколебала веру наших северных союзников (финнов) в конечную победу Германии. Финны поняли,*

¹ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 392. Д. 13. Л. 310-314.

² Рендулич Л., Рунштед Г. Почему Вермахт не взял Москву? М., 2012. С. 26.

что причины этого поражения крылись в самом Гитлере, и во всей созданной им системе и, что здесь речь шла вовсе не о простой военной неудаче¹.

Каковы же причины того, что значительная часть солдат вермахта, не видя перспективы в войне, тем не менее, продолжали сражаться? Во-первых, Рейх представлял собой огромную, закрытую идеологическую машину, которая всеми средствами, начиная от банального вранья, заканчивая специфическими психологическими методами, подчиняла себе умы немцев. Солдатам вбивалась в головы мысль: если они сдадутся, то проведут остаток своих дней на Сибирских лесоповалах, и это в лучшем случае. Яркий пример этого приказ Ф.Паулюса по «Крепости Сталинград», изданный 10 января 1942 г.: *«За последнее время русские неоднократно пытались вступить в переговоры с армией и с подчиненными ей частями. Их цель вполне ясна - путем обещаний в ходе переговоров о сдаче надломить нашу волю к сопротивлению. Мы все знаем, что грозит нам, если армия прекратит сопротивление: большинство из нас ждет верная смерть либо от вражеской пули, либо от голода и страданий в позорном сибирском плену. Но одно точно: кто сдастся в плен, тот никогда больше не увидит своих близких...Поэтому всякие попытки вести переговоры следует отклонять, оставлять без ответа и парламентариев отгонять огнем»².*

Во-вторых, коллективный конформизм. Армия и милитаризованное общество успешно подавляло человеческую личность и проявление инакомыслия, воспитывая в людях стадность.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что после двух с половиной лет войны солдаты германской армии, воевавшие на Восточном фронте, начали осознавать, что Рейх в скором времени рухнет, но находясь в рамках жёсткой военной организации, под постоянным психологическим давлением и террором, военнослужащие не могли проявить своей свободной воли.

Озеров Ю.В.

"КУРСК. ВОЗВРАЩЕНИЕ". РЕЦЕНЗИЯ.

12 февраля 2013 г. в киноцентре им. Щепкина состоялась презентация документального фильма "Курск. Возвращение". Эта работа стала результатом коллективного труда курских военных историков и краеведов В. Коровина, А. Манжосова, А. Золотухина и ГТРК-Курск в лице непосредственного воплотителя идеи проекта, посвященного 70-летию освобождению города от немцев, Е. Донца. Финансовую поддержку создателям фильма оказала городская администрация.

Зал кинотеатра был полон. Большую часть зрителей составили учащиеся курских школ, прибывшие на просмотр со своими наставниками.

¹ Рендулич Л., Рунштед Г. Указ соч. С. 151.

² Воронов Н. Операция «Кольцо» // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 10.

Открыл презентацию глава администрации Н.И. Овчаров, при поддержке которого проходило создание фильма. Он и другие выступавшие напутствовали зрителей и желали приятного просмотра.

В основу фильма положены уникальные кадры кинохроники февраля 1943 г., выявленные В.В. Коровиным в Российском государственном архиве кинофотодокументов, на которых предстает Курск военной поры после изгнания немцев. Среди сюжетов возрождающегося города есть кадры водружения красного знамени на доме № 69 по ул. Ленина, а также похороны комдива 322-й дивизии С.Н. Перекальского.

После показа авторы вышли на сцену и ответили на вопросы школьников и учителей. В частности, было отмечено, что погиб Перекальский не на Ямской горе, как принято было считать ранее, а в районе ул. Тропинка. Еще одним уточнением стала дата освобождения Курска. По мнению историков, именно 9 февраля, когда в районе нынешнего Северо-западного микрорайона окончательно прекратились военные действия, правильно было бы считать днем освобождения. Впрочем, менять общепринятую дату - 8 февраля - исследователи не желали.

Что можно сказать о фильме?

Во-первых, для меня это первый фильм о г. Курске, его конкретной странице истории, в отсутствии вообще таковых (те, что про чудотворную Икону Знамение, и тем более Коренную пустынь, считать не будем). Сеанс просмотра показал огромное желание увидеть всё снова. Как было точно сказано на презентации, в этот фильм надо всматриваться...

Во-вторых, после показа для тех, кто не видел войну, не общался с ветеранами высказывание "Никто не забыт и ничто не забыто", равно как и другие сакральные слова памяти, наполняется глубоким, серьезным смыслом и содержанием, не оставаясь какой-то ритуальной или дежурной фразой.

В-третьих, фильм конечно заранее был обречен на успех, имея потрясающую фактуру, научный исторический подход и солидный опыт телевизионной работы в парфеновском стиле.

Вообще, оценивая образ города, можно заметить, что, несмотря на сожжения и разрушения стратегически ряда важных объектов, он неплохо сохранился. И слова официальных лиц о более чем 90 %-ном разрушении Курска не соответствуют действительности (это, как если бы сохранился Цыганский бугор с Кожевенной, а всё остальное представляло пепелище).

Среди любопытных кадров - здание обкома ВКП (б). Туда проходит, спешившись с коня, генерал-майор П.И. Доронин, работавший ранее секретарем обкома. Видимо, авторы фильма не идентифицировали это здание, иначе дом по ул. М. Горького, 15 был бы более явственно подан как другие.

Не менее загадочен кадр с изображением фрагмента старинного здания, на месте которого сейчас стоит Дом книги. Здесь виднеется немецкая табличка с надписью "Пушкинская ул.". Видимо, так... оккупанты решили переименовать улицу Бебеля.

Что ж, пожелаем В.В. Коровину, отличившемуся в деле добычи уникальных кадров кинохроники, знакомить нас с новыми старыми образами г. Курска, благо копать есть что и на более глубоких горизонтах!..

(<http://yuri-ozarov.blogspot.ru/>)